

ГОСЬЕ ГЕНЕРАЛА ГОТТБЕРГА

ВИКТОРИЯ ДЬЯКОВА

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Виктория Дьякова
Досье генерала Готтберга

«ВЕЧЕ»

2010

Дьякова В. Б.

Досье генерала Готтберга / В. Б. Дьякова — «ВЕЧЕ»,
2010 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-8708-2

В сентябре 1943 года в Минске была осуществлена одна из самых громких диверсий Великой Отечественной войны – покушение на немецкого гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. В результате покушения Кубе был убит. Герои этой операции после войны были щедро награждены и обласканы властью. Но только всемогущие органы НКВД, а позднее КГБ, знали, что на самом деле герои... подставные! И лишь спустя пятьдесят лет справедливость была восстановлена с помощью... секретного досье одного из руководителей оккупационного режима в России генерала Курта фон Готтберга.

ISBN 978-5-4444-8708-2

© Дьякова В. Б., 2010
© ВЕЧЕ, 2010

Содержание

Часть 1. Последняя княгиня	6
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виктория Дьякова

Досье генерала Готтберга

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз... стоящая за мной женщина с голубыми губами... очнулась от свойственного всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

– А это вы можете описать?

И я сказала:

– Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.

А. Ахматова. Реквием

© Дьякова В.Б., 2010

© ООО «Издательство «Вече», 2010

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Сайт издательства www.veche.ru

Часть 1. Последняя княгиня

Когда грянула война, Лиза Голицына была на даче под Ленинградом, где она готовилась к выпускному концерту в консерватории. Сестру она отправила на Юг, к старому сотоварищу отца по службе – пусть отдохнет перед вступительными экзаменами. Узнав о начале боевых действий, Лиза не сразу решила уехать с дачи, все надеялась, что война быстро закончится и немцев погонят прочь, как бодро обещали в газетах и по радио главные советские лидеры. Когда же она наконец поняла, что надо срочно возвращаться в город, налеты немецкой авиации участились, и поезд, на котором ехала Лиза с гувернанткой Фру, разбомбили. В суматохе Фру потерялась. Разыскивая ее, Лиза вернулась на дачу, но там уже были немцы. В надежде отыскать гувернантку и добраться до ближайшего населенного пункта, где можно было бы сесть на другой эшелон, Лиза оказалась в Луге, наводненной беженцами и отступающими частями. Немцы подходили к городу, и на подступах шли ожесточенные бои.

С одной из разбитых частей Лиза очутилась в немецком тылу, позади прорвавшихся танков генерала Кюхлера, которые устремились к Ленинграду. О возвращении в город уже не могло быть и речи. Сначала еще теплилась надежда – перейти линию фронта, но вскоре и она угасла. Лиза поняла с устрашающей очевидностью: пришла беда, которая объединяет всех, обиженных и обласканных советской властью, рабочих и так называемую интеллигенцию. Теперь каждый должен, забыв о прежних планах, внести свою лепту в защиту Родины. А обижаться на советскую власть у Лизы Голицыной были причины. Отца ее арестовали в тридцать седьмом, с тех пор она не имела о нем никаких известий. Остались с младшей сестрой Натальей вдвоем – мать умерла за пять лет до того события от тяжелой болезни.

В лесах под Лугой началась для Лизы партизанская жизнь. Она очень беспокоилась за сестру – не знала, удалось ли Наталье вернуться в Ленинград, и очень надеялась, что немцев все-таки не пустят к Волге. Партизанский отряд быстро разрастался за счет жителей окрестных деревень и городков, бежавших от оккупантов. Кочуя по лесам осенью сорок первого года, отряд стал лагерем недалеко от Ивангорода, на самой границе с Эстонией. Лиза освоила несколько новых для себя профессий: работала связисткой, переводчицей, санитаркой. Приходилось ей принимать участие и в боевых операциях. Суровая партизанская действительность требовала немалых жертв: Лиза с отчаянием замечала, как черствеют и портятся ее руки, страшась, что они уже никогда не прикоснутся к инструменту. Она никому не рассказывала ни о своем дворянском происхождении, ни, тем более, о том, что она – дочь репрессированного комбрига. Даже фамилию сменила – назвалась Голиковой, благо документов у нее не было – остались в разбомбленном поезде. Девушка боялась вызвать подозрительность, от которой настрадалась перед войной. Но как оказалось, от советской власти не спрячешься – она вспомнила о Лизе, как о многих «бывших», когда стало очень нужно и страшно.

Однажды начальник разведки отряда вызвал ее к себе и, приказав ординарцу выйти из землянки, огорошил новостью:

– А я узнал, Елизавета Григорьевна, что ты, оказываясь, к княжескому семейству отношение имеешь?

Лиза похолодела: «Все, конец», – мелькнула в голове отчаянная мысль.

Однако комиссар удивил ее еще больше, когда даже не спросил, почему она назвалась Голиковой. И в том Лизе очень повезло, поскольку особистам повсюду мерещились шпионы, и при малейшем подозрении человека легко обвиняли в предательстве и отправляли под расстрел. Но, как оказалось позже, у комиссара был другой интерес основания и даже особые полномочия.

Выяснилось, что благородные предки Лизы, о которых она и упоминать боялась, вдруг в лихую годину очень понадобились советской власти, которая безжалостно расправлялась с «бывшими» до войны. Информация о Лизе поступила комиссару из Москвы, и притом – распоряжение: привлечь девушку для выполнения специального задания. Лизе предстояло отправиться сначала в Таллинн, а оттуда, – если гестапо позволит, – в Кенигсберг, где находился центр подготовки немецкой агентуры для засылки в тыл Советам. Выдавать себя она должна была за яркую противницу советского строя, пострадавшую от власти большевиков. На первом этапе главная задача – добиться у немцев доверия, поступить к ним на службу. Партизанам, но более того – Москве! – очень нужен был в Кенигсберге свой человек, и операцию контролировали из центра.

Выбора не было, предложение имело форму приказа. Конечно, Лизе никогда не приходилось выполнять подобную миссию, это в Москве учитывали и прислали подробные инструкции. Однако иного кандидата не было. Дочь репрессированного комбрига получила прекрасное воспитание и образование – она свободно говорила по-немецки, по-английски и по-французски. Имела заметную, благородную внешность – высокая, стройная фигура, длинные светло-русые волосы, изящный овал лица, большие глаза. Не рабоче-крестьянская косточка – сразу видно. Комар носа не подточит.

На подготовку операции ушло два месяца. Лиза получила связи, пароли и явки, научилась обращаться со всем этим незнакомым ей прежде «хозяйством» и в середине октября сорок первого года объявилась в Таллинне. Как ни странно, но ей повезло – немцы очень быстро приняли ее на службу и определили в секретариат, – вот удача! – местного отделения армейской разведки – абвера. Вероятно, что «легенда» на самом деле была безупречна. Все факты, подвергшиеся проверке, подтвердились. И знаменитые предки благородных кровей, и родство с дворянскими фамилиями Европы, и репрессированный отец, и ущемление в правах... Аристократическая внешность «фрейляйн» тоже играла роль, это сразу привлекло к ней немало поклонников, которые далеко не всегда руководствовались только личным интересом. И понимая это, Лиза старалась с холодной вежливостью держать офицеров на расстоянии. Она с первых дней проявила себя как очень дисциплинированная и исполнительная особа – немцы это ценили высоко. И что уж окончательно покорило ее новых сослуживцев – она обладала несомненным талантом пианистки.

Постепенно Лизу стали привлекать к секретным операциям, а также к работе с русскими, которые соглашались сотрудничать с немецкими властями. Их готовили к засылке в советский тыл: в Таллинне располагался филиал кенигсбергского центра, и это для Лизы оказалось второй, очень крупной удачей. Вскоре появилась и первая информация, которую необходимо было переправить своим. Отправляясь на встречу с партизанским агентом, Лиза сильно волновалась, опасаясь слежки, но все обошлось благополучно. Во всяком случае, ей так казалось. Опасность подкарауливала ее совсем с другой стороны. Проработав в абвере совсем короткий срок, она не сразу поняла, что немецкие спецслужбы, – как и многие другие – представляют собой этакий змеиный клубок, где одна ветвь разведки старается «удушить» другую.

В Таллинне шла жесткая подкованная борьба между абвером и гестапо. Намереваясь перехватить у абвера инициативу в работе с агентурой, местное гестапо постоянно интриговало, тайно поддерживаемое Берлином, чтобы скомпрометировать руководителей армейской разведки. Неожиданно Лиза стала объектом его интереса – гестапо собиралось использовать ее в своей секретной деятельности, но для начала решило припугнуть.

Однажды ночью Лизу арестовали. Она испугалась: неужели гестапо стало известно о ее подпольной деятельности, которая только началась? В этом случае есть риск погубить всю разведывательную сеть в городе, замкнутую теперь на нее. Но во время допроса выяснилось, что гестапо интересуется другим – сведения о работе обер-лейтенанта Замера, при-

бывшего накануне из Берлина со специальным заданием Канариса. Лиза переводила ему на нескольких допросах.

Допрашивали фрейляг Голицыну грубо – не церемонились. Светили ярким светом в глаза, выбивали из-под нее стул, бросали на холодный, грязный пол камеры. Понимая, что любая оплошность в гестапо может стоить ей доверия в абвере, а значит, ставит под угрозу цели, поставленные перед ней командованием, Лиза вытерпела все, не проронив ни слова. Она готовилась к худшему, но, обругав, ее отпустили. Вытолкнули на улицу под проливной дождь. Пройдя несколько шагов, она обессиленно прислонилась спиной к стене здания, в котором ее только что допрашивали. От перенапряжения звенело у шах – все плыло перед глазами. Последнее, что она различила – свет фар приближающегося автомобиля сквозь стену дождя. Машина подъехала, из нее вышел офицер в полевой, пехотной форме. Больше Лиза не видела ничего – сознание покинуло ее.

Очнулась она в чужой, незнакомой комнате. Лиза лежала на диване, укрытая теплым пледом. Приподняв голову, огляделась – комната напоминала гостиничную, со скудной, казенной обстановкой. Но как она очутилась здесь? Лиза почти ничего не помнила. Перед глазами снова всплыло злое лицо эсэсовского штурмбанфюрера, который допрашивал ее, резкий свет лампы в лицо... В комнате было тихо. Потом послышались шаги – кто-то вошел. Лиза поспешно поднялась и села на диване. Напротив нее, рядом с радиоприемником и торшером, мягко освещавшим комнату, стоял незнакомый офицер. Он невозмутимо разливал виски в два бокала, то, что Лиза очнулась и смотрит на него, казалось, не произвело на него никакого впечатления. Этого человека Лиза прежде не видела, хотя кое-кого она встречала в ресторанах и казино города. Ей почему-то казалось, что если бы он встретился ей – она бы его запомнила обязательно. Офицер повернулся. Взяв бокалы, подошел к ней. Протянул Лизе виски:

– Выпейте, – предложил он почти равнодушно.

– Я не хочу, – отказалась девушка.

– Выпейте, – спокойно повторил он, – а то простудитесь.

Лиза осторожно пригубила напиток, затем спросила:

– Кто вы?

Он придвинул кресло к дивану, представился сухо:

– Лейтенант Рудольф Крестен, дивизия «Дас Райх». Мы стоим здесь на переформировании.

Лиза улыбнулась:

– Меня зовут Лиза. Я так и поняла, что вы неместный.

– А вы здесь знаете всех? – поинтересовался он, усаживаясь напротив.

– Почти. Лица, которые часто встречаются, запоминаю, хотя по именам – лишь немногих. А вас я прежде не видела в Таллинне, в тех местах, которые посещают немецкие офицеры, – уточнила она быстро.

– Извините, я был на фронте, – сдержанно, одними губами улыбнулся офицер, – вы служите?

– Да.

– Надеюсь, не в том здании, около которого я вас обнаружил? – в его голосе просквозила явная ирония.

– Нет, я работаю в абвер-команде, – Лиза, смутившись, потупилась. – Переводчицей.

– А, – незнакомец усмехнулся, – а я думал, вас так после службы «проводили», что даже ноги не несли, – он тихо засмеялся. – Позвольте, я закурю, – спросил он, доставая из кармана портсигар.

– Пожалуйста, – девушка пожала плечами, слегка озадаченная.

Он щелкнул зажигалкой, прикуривая сигарету. Огонек осветил его лицо. Молодое, с жесткими арийскими чертами: безукоризненный нос, без малейшей горбинки, ровный и прямой, большие, светлые глаза. Лейтенант взглянул на нее, – Лиза вздрогнула: мертвенная неподвижность его глаз до несуразности контрастировала с молодостью его лица. Взгляд – жесткий, прямой, пронизательный. Просто бестрепетный «белокурый бог», восхваляемый геббельсовской пропагандой. Лизу охватил озноб, мурашки побежали по телу, как-то неотвратимо, безысходно заныло сердце. Но «белокурый бог» смягчился. Взгляд его внезапно потеплел. Затянувшись сигаретой, он откинулся на спинку кресла и, положив ногу на ногу, курил, молча наблюдая за ней.

– Я сам служу в СС, – наконец, прервав молчание, произнес офицер. – Но не пугайтесь. Дивизия «Дас Райх» – это войсковая часть, мы не занимаемся слежкой, не ловим шпионов и всякого рода неблагонадежных, а также далеки от склок с командой адмирала Канариса. Нам некогда, у нас дела иного рода. Не знаю уж, чем вы досадили гестапо, но они явно перестарались с вами. Не буду спрашивать, в чем суть, меня это не касается, – теплый огонек в его глазах снова потух. – Если вы желаете, фрейляйн, я могу отвезти вас домой, – холодно предложил он.

– Да, да, – заторопилась Лиза, – я покажу, куда. – Откинув плед, она быстрым движением оправила одежду. Лейтенант галантно предложил ей пальто – промокшее насквозь, оно даже успело немного просохнуть. – Благодарю, – Лиза заставила себя улыбнуться, чувствуя явную скованность.

С одной стороны, она была признательна ему, но с другой – почему-то он внушал ей страх. Как никто прежде, ни фашисты, ни чекисты. Она никак не могла объяснить себе этого обстоятельства – оно словно существовало отдельно от нее, грозное, непонятное, странное. Ей было трудно говорить с ним – не находились ни мысли, ни слова, хотя она никогда не испытывала трудностей в общении – помогало воспитание.

В полном молчании лейтенант Крестен довез ее до дома, где на жалованье, получаемое в абвере, Лиза снимала две комнаты у пожилой хозяйки-эстонки. Видимо, понимая ее настроение, Крестен всю дорогу сосредоточенно молчал. Только прощаясь у дверей, поцеловал руку и предложил:

– Возможно, фрейляйн, вы не откажетесь поужинать со мной. Весь день я занят в части. Но вечером имею свободное время в городе. Я приглашаю вас, – и тут же иронично прибавил, – надеюсь, ваши сослуживцы и новые знакомцы из гестапо не станут вас сильно ревновать? Вы согласны? – он без доли смущения посмотрел ей прямо в лицо.

– Да, конечно, – ответила она тихо, не отводя взгляда.

Почему она так сказала? Ведь всего мгновение назад Лиза желала расстаться с ним как можно скорее. А теперь с удивлением понимает, что хочет снова увидеться с ним. Даже обрадовалась. Как странно... Оставшись одна, Лиза не сомкнула глаз до самого рассвета, усталость, мрачные воспоминания о пребывании в гестапо, предвкушение неприятного разговора с начальством грядущим днем – все куда-то ушло, а больше не беспокоило. Расхаживая по маленькой комнатке от окна до крытой вышитым покрывалом кровати, она ощущала незнакомое ей прежде смятение – словно случилось нечто важное, и одновременно пугающее, но она еще не понимала толком, что. Прислушиваясь к шуму дождя за окном, она вспоминала своего ночного знакомца: как он закуривает сигарету и в дрожащем пламени зажигалки – холодный взгляд темно-серых глаз. Что он подумал о ней? Наверняка понял, что она русская, но не подал вида, словно не заметил. Почему? Лиза испугалась и готова была отказаться от назначенной встречи. Но такой оборот не мог не вызвать у лейтенанта подозрения, чего она не могла допустить. «Из маленьких подозрений рождаются очень большие догадки, – говорил ей наставник – чекист Симаков. – Ни одной, даже самой незначительной, зацепки нельзя давать противнику по халатности, тем более такому зубастому, как абвер или

гестапо. Все должно быть так, Елизавета Григорьевна, чтобы комар носа не подточил». Так что, коли согласилась – отступить нельзя, хотя было предчувствие, что Крестен осложнит ее положение, и без того непростое и весьма шаткое.

Весь следующий день она не думала о предстоящей встрече – ее переполняли волнение и тревога, связанные с иными обстоятельствами. К ее удивлению, о происшествии в гестапо никто не вспоминал, хотя, как предполагала Лиза по неопытности, такой случай должен бы стать центральным событием в абвер-команде. Она колебалась, докладывать начальству о том, что произошло, или нет. В конце концов решила доложить. На всякий случай. Пусть ее сочтут наивной, зато никто потом не обвинит, что она что-то утаила от своих шефов. Как и предполагала Лиза, ее рапорт восприняли с холодным участием, но по реакции высших офицеров Лиза поняла, что они даже удовлетворены столь откровенным рассказом о пережитом ею ночном кошмаре. Ей сдержанно посочувствовали, слегка возмутились, обещали разобраться. Но у Лизы создалось устойчивое впечатление, что начальство вовсе не было удивлено происшедшим. То ли подобный «обмен любезностями» входил в рядовую практику абвера и гестапо, то ли они вступили в сговор с целью проверки, не склонна ли она к вербовке – о подобных «штучках» майор Симаков предупреждал Лизу.

Она едва дождалась конца рабочего дня, когда начальник команды позволил ей уйти домой. Больше всего Лизе хотелось забраться под одеяло с головой и ни о чем не думать. Но она обещала Крестену отправиться с ним на ужин, к тому же это свидание она могла использовать и в личных целях: в ресторане наверняка встретятся знакомые лица, полезно проследить за их реакцией. Под подозрением она или нет? Мучаясь сомнениями, Лиза тщательно выбрала платье – длинное, из черного бархата, на тонких лямках. Оно очень шло к ее матовой коже и светлым волосам. Дополнением служили черные перчатки выше локтя и кольцо из сапфиров, которое Лиза взяла на прокат в ювелирном магазине на один вечер. Своих украшений у нее не было. Нарядившись, едва удерживалась от того, чтобы не стоять у окна. Устала гадать – приедет или не приедет Крестен. А стрелки на часах, которые иногда просто бежали по кругу, в тот раз двигались раздражающе медленно.

Присев в кресло, Лиза снова принялась размышлять о гестаповской провокации, но резкий гудок автомобиля под окном заставил ее встрепенуться. Она подошла к окну и отодвинула занавеску – на улице у подъезда стоял черный «мерседес», который накануне привез ее домой. Но за рулем сидел кто-то другой. Сердце Лизы сжалось – а вдруг она не разобралась в тонкой игре гестапо, и Руди Крестен вовсе не из дивизии «Дас Райх», а тоже из гестапо, как тот отвратительный штурмбанфюрер, воспоминание о котором до сих пор ужасало ее? С чего вдруг она поверила ему на слово? Да и как она может верить кому-то, при ее-то положении? Лиза вдруг ощутила себя на грани провала.

Но ужас скоро рассеялся: лейтенант Руди Крестен вышел из машины, – он сидел рядом с шофером, – и помахал Лизе рукой. Он был в парадной черной форме, на кителе виднелся новенький Железный крест. Как-то сразу успокоившись, Лиза жестом приветствовала его и показала, что сейчас спускается. Быстро подошла к дивану, на котором лежали меховая накидка и шляпа с вуалью, уже хотела надеть их – и снова опустилась на диван. Тревожное предчувствие обожгло ее, почти как свет лампы в глаза на допросе в гестапо. Медленно повернувшись к зеркалу, она взглянула на себя, разглядывая, точно видела в последний раз. И снова ощутила горячее желание бросить все и вернуться домой в Ленинград. Но куда? Немецкие информаторы сообщали, что город подвергался яростным бомбардировкам, а в начале сентября войска вермахта сомкнули вокруг него кольцо блокады. Ничего нет, никого больше нет. Она одна – одна за всех. И если струсит, не выдержит до конца – ее ждет смерть. В гестапо или в НКВД – никакой разницы. В гестапо расстреляют за то, что она выполняла задание, в НКВД – за то, что не выполнила. А заодно за отца, за деда – за все сразу. Но даже

в случае успеха никто не даст гарантии, что ее не расстреляют, просто за что-нибудь. Так что назад пути нет, надо идти вперед. Как бы ни было противно и тяжело.

Лиза встала. Одев мантию и шляпу, она спустилась вниз.

– Добрый вечер, фрейляйн, – Руди предложил ей руку. – Я рад, что вы не забыли своего обещания. Предпочитаете поехать на машине или пройдемся пешком? – осведомился он заботливо. – Здесь недалеко, а Фриц поедет за нами, – он указал взглядом на молоденького солдата, сидящего за рулем. – Это мой денщик, – уточнил Крестен.

– Наверное, лучше пешком, – неуверенно согласилась Лиза. Ей не хотелось садиться в машину. На улице, среди людей, она чувствовала себя как-то спокойнее и раскованней.

– Как скажете, фрейляйн, – Руди галантно склонил голову и неторопливо повел Лизу к ресторану. В отличие от нее, он чувствовал себя вполне вольготно. «Мерседес», шурша шинами по опавшей листве, медленно двинулся за ними. – Вы до войны жили в Таллинне? – спросил Руди после короткой паузы.

Лиза вздрогнула. Но, взяв себя в руки, ответила ровно:

– Нет, в Ленинграде.

– В Петербурге? – переспросил он, усмехнувшись. – Я изучаю Россию по военным картам, на наших картах нет такого города Ленинград, есть Петербург.

– Я тоже с большим трудом выговариваю его новое название, – призналась Лиза вполне искренне. – Никак не могу привыкнуть.

– А как же вы оказались здесь? – последовал следующий вопрос.

Лиза приготовилась повторить заученную еще в партизанском лагере легенду, выдержавшую проверку, но вдруг ощутила, что комок встал у нее в горле, и она не может вымолвить ни слова. С лейтенантом из дивизии «Дас Райх» у нее не получалось разговаривать столь же непринужденно, как с прочими.

– Знаете ли, так получилось, война все спутала, – быстро проговорила Лиза, и это было правдой. – Впрочем, мы пришли, – она вздохнула с облегчением, когда впереди показалась сверкающая огнями вывеска ресторана «Лана».

Едва войдя в холл, Лиза сразу заметила устремленные к ним взгляды. Большинство завсегдатаев, собравшихся к привычному часу, рассматривали с любопытством, но не девушку, а ее спутника. Появление в ресторане Лизы было событием вполне привычным – она бывала здесь довольно часто с сотрудниками абвер-команды. А вот Руди Крестена не знали, из чего Лиза сделала вывод, что он пришел сюда в первый раз – но почему? Ведь офицеры дивизий, которые располагались в окрестностях Таллинна не брезговали увеселениями в городе. Из дивизии «Дас Райх» здесь побывали многие.

– Так как же вы оказались в Таллинне? – спросил Крестен неожиданно и вполне настойчиво.

Он помог Лизе снять мантию, предложив стул, усадил ее за столик, заказал шампанское.

«Почему он спрашивает меня все время об этом? – Лиза думала с настороженностью, близкой к панике, – из простого любопытства? – Она изо всех сил старалась, чтобы ее настроение никак не отразилось на лице. Или Крестен преследует какую-то иную цель? Вдруг он подослан? Но кем? Шефом гестапо, Замером? Этаким случайно заскочивший в Таллинн служака, отмеченный наградами, весьма симпатичный на вид, вроде бы не имеющий никаких связей со здешними бонзами разведки. Побыл, прогулялся – и уехал снова на фронт. А попутно расспросил некую особу о ее тайных помыслах и секретах и доложил, куда следует». Ведь человеку сугубо военному, не имеющему отношения к спецслужбам, полагают они, девушка раскроется быстрее или расслабится и проговорится.

Лизе казалось, что она разгадала замысел Крестена и его покровителей. Собравшись с духом, она как можно спокойнее, принялась пересказывать ему все, что уже не единожды

докладывала сначала своему непосредственному шефу, потом его шефу, потом шефу шефа. К ее удивлению, Крестен слушал внимательно, ни разу не перебив.

Принесли шампанское – типичный способ сбить ее с мысли. Но Крестен не обратил на это обстоятельство ровным счетом никакого внимания, чем вызвал недоумение. То ли он вовсе не собирался устраивать Лизе очередную проверку, то ли действовал методами, которые были ей неизвестны. При этом лейтенант почти неотрывно смотрел ей в лицо, и Лиза чувствовала себя неуютно под его пронизательным взглядом. Впервые с тех пор, как она оказалась в Таллинне, Лиза вдруг почувствовала, что ее версия – неубедительна. И суть заключалась не в том, что факты, изложенные в ней, сомнительны – они-то как раз были проработаны должным образом. Но сама легенда как-то не «шла» ей, как бывает не идет женщине прекрасно сшитое платье из дорогого материала. Словно с чужого плеча. Она, Лиза Голицына, она не могла так поступать. Не могла – и все. По чести говоря, если уж «кроить» по ней – так Лиза сейчас должна находиться где-нибудь под Ленинградом или под Москвой, перевязывать раненых красноармейцев в санбате или переводить на допросах какому-нибудь советскому командиру. Вся ее разведывательная деятельность – сплошная фальшь. Никогда Лиза не ощущала этого столь явственно, как теперь, под взглядом малознакомого ей немецкого офицера, сидящего напротив. И он тоже все понимал – в том не было сомнений. Он ей не верил. Еще немного – и он разоблачит ее. Испугавшись, Лиза прервала рассказ.

– Поймите, лейтенант, – произнесла она, теребя руками салфетку, – все, что я пережила, живо во мне. И мне трудно вспоминать, тем более, вслух.

– Я понимаю, – кивнул он, – тогда предлагаю выпить за знакомство. – Его губы растянулись в улыбке, она очень не понравилась Лизе: показалась, какой-то неестественной, натянутой. Причину того Лиза пока не разгадала – не знала. Даже думать боялась. Но может быть, ему вообще было не свойственно улыбаться по душевному складу. Лиза слышала, что такое бывает.

– А вы откуда, из Берлина? – пригубив вино, чтобы скрыть смущение, Лиза поспешила перейти в наступление. Она старалась говорить весело, даже беспечно, но получалось плохо – сама слышала.

– Почему обязательно из Берлина, – он пожал плечами. – Если немец, то из Берлина? Вовсе нет. Я родом из Гамбурга, слышали о таком городе? Это очень большой порт. Я там родился, провел все детство. Мой отец офицер, он был тяжело ранен на Первой мировой войне, под Амьеном. Вскоре после войны умер. Мать заболела чахоткой и тоже умерла, – Крестен сделал паузу. Лизе показалось, что при упоминании о матери лицо его помрачнело. – Меня воспитывала ее сестра, баронесса фон Крайслер, и я очень признателен ей за доброту, – он снова слабо, как-то натянуто улыбнулся. – Закончил военную академию. Теперь – на фронте. Недавно был ранен, под Киевом. Из госпиталя выписался досрочно, вернулся в свою дивизию. Вот получил награду, – добавил он иронично и указал на Железный крест на кителе. – Холост, своей семьи не имею, – последнее замечание он произнес с усмешкой. – Вас что-то еще интересует, фрейля?

– Нет, – смутившись, Лиза потупилась. – А ваш денщик? – вдруг вспомнила она, желая только одного, – поскорее задать вопрос, чтобы Рудольф отвлекся и не смотрел на нее, читая в сокровенной глубине сердца. – Он раньше служил у фон Крайслеров, а теперь с вами?

– Нет, – Руди качнул головой, – он всего лишь солдат. Но очень слабый солдат, в физическом смысле. Ему доставалось во взводе и от командира, и от сослуживцев. Я взял его к себе, чтобы было легче. Он весьма усерден, умеет быть благодарным.

Они просидели в ресторане допоздна. Посетители постепенно разошлись. Подошел официант, с угодливым поклоном напомнил:

– Господин лейтенант, мы закрываемся.

– Что? – Руди обернулся. И вдруг без слов положил на стол сначала пистолет, а потом... денежную купюру, сверху. Не перепутал, все сделал так, как и хотел, заранее зная, какое произведет впечатление.

– О, господин лейтенант, – пролепетал официант, побледнев, – вы можете оставаться, сколько пожелаете, – и поспешно ретировался, даже не взяв чаевых.

– Вы говорили, Лиза, что были пианисткой, – Керстен кивнул на стоявший на сцене рояль.

– Да, – подтвердила она, – я училась в консерватории. Закончить не успела.

– А вы знаете немецкую музыку?

– Конечно.

– Тогда сыграйте мне, – попросил он.

– Но я давно не репетировала, – попыталась возразить она. – Наверное, многое забыла...

– Вы не забыли, – уверенно сказал он. – Сыграйте, Лиза. Завтра утром мы уезжаем на фронт. Я буду вспоминать этот вечер.

– На фронт? – она вскинула глаза. – Как? Так быстро?

– Да, время стремительно, фрейлян. Не надо тратить его на то, чтобы ссориться с гестапо, – он понизил голос. – Ведь вы не предали своего шефа, как я понял. А как же вы предали Родину?

Лизу точно обухом ударило. Она сдернула руки со стола, даже не успев сообразить, что выдает этим себя. Да. Он догадался обо всем, не зря она его боялась. Первое впечатление, как часто бывает, оказалось правдиво. Он словно читал в ее душе, понимал ее такой, какой она была, а не той, какой желала казаться. И не на секунду не заблуждался с самого начала.

– Я не могу играть, – ответила она резко и встала из-за стола. Рудольф взял ее за руку и усадил снова. – Не волнуйтесь, фрейлян, – проговорил он так же тихо, – я не провокатор, просто я понимаю немного больше, чем ваши шефы. И не веду игры, которую ведут они. Меня уже завтра утром не будет здесь. Но будьте осторожны, фрейлян Лиза, вас заманят в ловушку, вы даже не заметите как. Вы ввязались явно не в свое дело. Вы слишком тонки и чисты. Разве еще не поняли, когда вас сдали в гестапо? Дальше они будут действовать еще более жестко...

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – возмутилась Лиза и объявила: – я уйду. Простите меня, лейтенант, но я очень устала, а меня завтра рано вызывает шеф. Прошу меня не провожать, я дойду сама, здесь близко.

– Воля ваша. Настаивать не смею. – Руди Керстен равнодушно пожал плечами. – На всякий случай: наш эшелон отправляется завтра в 14.00, – сообщил он, словно рассуждая сам с собой. На Москву.

Последняя фраза прозвучала как-то особенно жестко и хлестко. Услышав ее, Лиза остановилась и пошатнулась. Ей стоило огромных усилий, чтобы не обернуться и не выдать себя еще больше. Но совладав с волнением, она ушла. Керстен больше ничего не сказал и следом не вышел.

Всю ночь Лиза не сомкнула глаз, ожидая ареста. Но за ней не пришли. «Неужели он все-таки не донес? – мучилась она в догадках. – Но почему? Почему? Может быть, ему нравится, загнав мышь в ловушку, наблюдать, как она отчаянно пытается освободиться? Конечно, в нем есть странности. Но внешне – вполне нормальный человек. А нормальный человек, тем более немец, эсэсовский офицер, обнаружив врага, должен донести в гестапо. Он давал присягу – он обязан поступить таким образом. Почему же он донес?» Чем больше Лиза размышляла об этом, тем больше Руди Керстен казался ей чрезвычайно опасным человеком. Куда опаснее, чем все, кого она встречала прежде, даже в гестапо. Ведь он руководствовался не фактами, а какими-то только одному ему понятными принципами. Кто он? Коллекционер

душ? «Хорошо, что он уезжает», – подумала Лиза с явным облегчением. Она бы не хотела, чтобы он задержался в Таллинне еще хотя бы на день. Даже на час.

Не хотела, но на вокзал поехала. Она прекрасно понимала, что Рудольф намеренно назвал ей час отбытия эшелона, уверенный, что она не утерпит, придет. Лиза боролась с собой, клялась, что и ноги ее не будет на вокзале. Но к двум часам, – ничего не смогла с собой поделать, помчалась, схватив свой автомобиль.

Когда Лиза приехала на вокзал, погрузка войск уже заканчивалась. Вокзал был оцеплен охраной, но благодаря абверовскому удостоверению ее пропустили. Она вышла на перрон. Перед вагонами суетились солдаты и офицеры, слышались громкие слова команд, ревели, заползая на открытые платформы, танки. Солдаты закатывали орудия, укрывали их брезентом и маскировочной сеткой. Повсюду стояли ящики с боеприпасами, в ожидании погрузки, упакованные медикаменты и продовольствие, баки с бензином. Штатских на перроне не было видно: эшелон никто не провожал, он уходил секретно, под строгой охраной.

Ругая себя за проявленную слабость, Лиза прошла по перрону. Она то и дело останавливалась, поднималась на цыпочки, стараясь за головами снующих взад и вперед военных увидеть Руди. Но никак не находила его. Лиза даже рассердилась. «Как можно найти человека в такой сутолоке? Шутка ли сказать, целая дивизия на погрузке, да еще со всем своим снаряжением!» Ведь он знал, что она придет, был уверен наверняка. Вышел бы хоть на минуту в здание вокзала. Впрочем, насколько она теперь понимала Крестена, такие поступки были совсем не в его стиле. «И зачем я только приехала!». Лиза уже не просто сердилась – раздражение ее достигло предела.

Кто-то толкнул ее, небрежно извинившись, кто-то, наоборот, отдал честь. Танк перегородил перрон – он никак не мог въехать на мостик, и вокруг него нервно бегали члены экипажа, пехотинцы и кто-то из технической obsługi. Наконец танк подался вперед и медленно пополз на платформу. Когда он сдвинулся с места, подняв столб последождевой грязи, вырвавшейся из-под гусениц, Лиза наконец увидела Руди. Он стоял далеко от нее, на другом конце перрона, в серой полевой форме и беседовал с офицерами. Обернувшись, он посмотрел в ее сторону. Лиза обрадовалась и помахала ему рукой. «Сейчас подойдет», – подумала она. И опять не угадала. Она могла поклясться, что он заметил ее, однако не торопился. Ощувив обиду, Лиза повернулась, чтобы уйти. «Зачем только приехала сюда?! Принесла нелегкая» – досадовала она мысленно. Ведь факт ее пребывания на перроне во время отправления дивизии вскоре станет известен Замеру. Он наверняка спросит ее, что она делала здесь? Провожала знакомого офицера? Никто не провожал, а она провожала? Как это неосторожно, неосмотрительно – малознакомый лейтенант все время ставил ее в двусмысленные положения, более того – он ее провоцировал, а она поддавалась. Но думать надо было раньше. Сама напросилась, кого винить?

Досадуя на собственную глупость, Лиза шла по перрону, обходя машины и торопящихся закончить работу солдат, обратно к вокзалу. Она не оглядывалась – зачем? Внезапно толкотня и неразбериха, как показалось Лизе, прекратились. Послышались громкие слова команд. В несколько минут перрон опустел. Военные заняли свои места в вагонах и на открытых платформах. Осенний ветер гнал по пустому перрону обрывки бумаги и камуфляжа. Ударили в гонг. Эшелон отправляется, поняла Лиза. В этот момент с одного из вагонов прыгнул офицер и подбежал к ней – она узнала Крестена.

– Простите, фрейлян, – сказал он, – у меня не было времени попрощаться с вами. – Потом насмешливо добавил: – Я не обещаю, что буду ждать, но если вы мне напишете, я отвечу, – вынув из нагрудного кармана листок бумаги и карандаш, чиркнул номер почты.

Поезд уже тронулся, вагоны медленно ползли вдоль перрона. Поцеловав Лизе руку, Руди догнал свой вагон, вскочил на подножку. Лиза стояла на перроне, перед ней мелькали

лица солдат, офицеров, все быстрее проносились зачехленные жерла орудий – эшелон набирал ход.

Лиза вышла из здания вокзала и села в машину. Шоссе шло параллельно железной дороге. Она быстро нагнала эшелон. Снова замелькали покрытые камуфляжной сеткой пушки и бронемашин. Руди не видел ее, он стоял спиной. Но кто-то сказал ему, указывая на открытую машину, мчащуюся параллельно. Он обернулся. Снова спустился на подножку – в какое-то мгновение она отчетливо видела его лицо. Потом шоссе резко повернуло в сторону города, а поезд продолжил движение на восток. Последний раз мелькнуло лицо Крестена – он отдал честь. Все.

Эшелон прошел, затих перестук колес. Не в силах справиться с волнением, Лиза остановила машину и, съехав на обочину, некоторое время сидела неподвижно, опершись локтями о руль. Как он сказал ей накануне вечером? «Мы отправляемся на Москву». От этих слов ей стало не по себе, и она едва справилась, чтобы не выдать своего беспокойства. Сегодня она ощутила тревогу, даже страх от военной мощи, которую увидела на вокзале. Никогда прежде Лизе не приходилось видеть дивизию, полностью укомплектованную и готовую вступить в сражение. А уж дивизию СС – тем более. Если бы не война, она в этом августе поступала бы в аспирантуру, а вместо того ей предстоит вернуться в Таллинн и снова играть роль, которая настолько противна ее существу, что даже лейтенант Крестен, с которым она была знакома всего два дня, это заметил. Что же говорить о ее непосредственных хозяевах! Не глупее же они Крестена. Странно только, что она до сих пор жива, возможно, они придерживают ее для какого-то особого случая.

А Крестен? Очень странный человек. Он словно ставил над ней эксперимент – то заставлял по несколько раз рассказывать о себе и внимательно следил за каждой интонацией, теперь вот вынудил приехать на вокзал, зачем? Напугать? Какой смысл вступать с ней в психологическое противоборство, если он не провокатор, – теперь уже точно, – и не собирается доносить о ней гестапо? Тем более, он отправляется на фронт, и они больше никогда не увидятся. Немцы стоят уже в двух десятках километров от Красной площади и взяли в двойное кольцо блокады Ленинград – куда уж больше? Намеревался предупредить? Мол, не стоит бросать вызов столь мощной и беспощадной системе, все равно сотрет в порошок? Это ей и так ясно. Другая система, которая послала Лизу сюда, уже перемолола ее отца и многих его друзей в тридцать седьмом году. Она немногим отличается от немецкой, если не страшнее. Так что Лизу не напугаешь.

Она вспомнила, как отца уводили из дома наглые самоуверенные энкэвэдэшники, как один из них ткнул пистолетом в висок гувернантке Фру, – хорошо, что не выстрелил, – но несчастной женщине хватило и того, она надолго слегла с сердечным приступом.

Лиза помнила, как приехав на прослушивание в Москву, – для участия в конкурсе, – она вместе со своей сокурсницей Таней Ясневской, родственницей Зинаиды Райх, бывшей жены Есенина, отправилась навестить тетю Зину в известный в Москве, очень гостеприимный дом. Только войдя в подъезд, они услышали страшный крик – на лестничной площадке металась фигура растрепанной, избитой, ослепленной женщины. Она кричала пронзительно, точно умирающий зверь. Ее преследовали неизвестные люди в штатском. «Тетья Зина!» – воскликнула Таня, побледнев от ужаса, и хотела было броситься наверх. Но дверь из квартиры на первом этаже распахнулась, и какая-то женщина, схватив их за руки, втянула обеих к себе. Захлопнула дверь. Обняв, прижала к груди и заплакала. И они тоже плакали. Девушки понимали, что больше никогда не увидят красивую, элегантную тетю Зину. А Таня... Таня тоже вскоре исчезла. Как-то незаметно, тихо. Однажды не пришла в консерваторию – и все. Словно испарилась. И Лиза больше никогда ничего не слышала о ней. «Так что, господин лейтенант, – мысленно обращалась Лиза к Крестену, – не очень-то испугали. Кое-что и я повидала».

Лиза взглянула на часы, – пора ехать. Встреча с Замером не предвещала для нее ничего хорошего. Однако ей повезло. Когда она вернулась, шефа не было на месте. Когда он вернулся, то даже не вспомнил, что Лиза отсутствовала почти половину дня. Посланцу адмирала Канариса было явно не до того – только что сообщили, что трое из четырех агентов, заброшенных в советский тыл, которых Замер считал абсолютно надежными, перехвачены чекистами сразу после приземления. Замера вызывали в Берлин, где, без сомнения, его ожидала неприятная встреча с руководством. Лиза же могла поздравить себя: сведения, переданные через связного партизан, достигли цели – Москва подготовилась к приему агентов, а миссия Замера провалилась.

Вскоре через того же связного, работавшего в Таллинне разносчиком газет, Лиза получила сообщение центра – ей предписывалось вернуться. Замер больше не появлялся в Таллинне, абвер-команду после его провала значительно сократили. Вся деятельность на северо-западе перешла в кенигсбергский центр, куда по планам советских руководителей засылался профессиональный агент. Он должен был работать под контролем абвера с целью разоблачения дезинформации стратегического назначения, которую, как стало известно, немцы предполагали вбросить перед весенним наступлением. Своим присутствием в Таллинне Лиза могла только помешать советскому разведчику. Более того, для подготовки агента и его разработки в Москве требовалась детальная информация о структуре абвера на северо-западе, о ключевых фигурах немецких спецслужб. Так же как и многие другие тайные помощники партизан в этом районе, Лиза была обязана доложить все, что ей известно.

Выход ее был инсценирован партизанской бригадой, работавшей теперь под непосредственным руководством из Москвы. Отправляясь с несколькими офицерами абвер-команды с инспекцией в одну из разведшкол, располагавшуюся на острове в заливе, Лиза знала, что больше уже не вернется в Таллинн. При переправе был организован налет. Два офицера погибли, многие были ранены – Лизу не нашли, решив, что девушка утонула, поскольку всегда говорила, что плохо плавает. Нашлись и доказательства – пилотка бывшей секретарши Замера качалась на воде между прибрежными камнями, там же нашли и разбитые часики.

Вернувшись в отряд, Лиза сразу попала в руки двух чекистов, прибывших за ней из Москвы. Не дав ей и дня на отдых, они объявили ей, что самолет уже подготовлен, их ждут в Управлении, надо лететь как можно скорее. Едва рассвело, в самолет погрузили раненых, чтобы доставить их на Большую землю в госпиталь, села и Лиза. Как ни странно, она совсем не испытывала радости от встречи со своими. Она не знала, что ждет ее в Москве, но на всякий случай не ожидала ничего хорошего. Даже успешно выполненное задание не гарантировало ей безопасности. Одна только надежда согревала сердце Лизы – вдруг в Москве ей удастся узнать что-то о Наталье и Фру? Живы ли они? А вдруг...

В Москве Лизу сразу принял майор Симаков, который курировал ее деятельность с самого начала. Он подробно расспросил ее о работе в абвере, о ее шефе Замере, о руководстве гестапо в Таллинне. Не удовлетворившись устными ответами, он приказал составить доклад в письменной форме. Прекрасно понимая, что Лизе никогда прежде не приходилось делать ничего подобного, объяснил, что от нее требуется. Спустя несколько дней, когда доклад был готов, Лизе пришлось выступить с ним перед группой ответственных товарищей в большом кабинете. Ей задавали вопросы. И Лизе не понравилось, что все они были с подковыркой. Словно ее подозревали в неискренности. Вскоре все выяснилось. Прошло еще два дня. Лизу снова вызвали на Лубянку. Но на этот раз ее встретил не Симаков, а другой, незнакомый офицер. Беседа, начавшаяся довольно напряженно, переросла в грубый допрос, и соратник, – как наивно предполагала Лиза, – едва не ударил ее. С трудом сдержался. За что?! В чем она виновата, Лиза не понимала, но и не удивлялась, она вполне ожидала подобного оборота. Вернувшись в общежитие, где ей выделили угол, она не могла сомкнуть глаз.

В Москве ей стало страшнее, чем в Таллинне, среди своих хуже, чем с немцами – именно этого она и опасалась. Много ли времени прошло? Всего-то два месяца.

Февральское утро после допроса было серым и безрадостным. К общежитию подъехала машина, дежурный вызвал товарища Голицыну. Приготовившись к самому худшему, – к аресту, – Лиза спустилась. Но только вышла на лестницу – сердце ее радостно забилося. Внизу она увидела Симакова. Он ждал ее. Взяв под руку, повел в ближайший садик.

– Понимаете ли, Елизавета Григорьевна, – начал, как-то неуверенно, скованно. Галки горланили над головой на унизанных изморосью ветвях деревьев. – Тут такая история вышла. Даже не знаю, как и сказать вам.

– Вы говорите прямо, Николай Петрович, – попросила она. – Не стоит ходить вокруг да около. Меня подозревают в измене? Арестуют? Когда? – она спрашивала порывисто, нервно. – Вы тоже подозреваете? – резко остановившись, Лиза взяла его за рукав, заставив взглянуть в глаза. – Вы же все знаете, Николай Петрович, лучше других.

– Я-то знаю, Елизавета Григорьевна, – вздохнул Симаков, на его лице отразилось сочувствие, – за работу в тылу врага Вас хотели представить к награде. Взяли личное дело, и оказалось, что вы – дочь... ну, как это выразиться помягче...

– Как есть, – резко ответила Лиза. – Я дочь врага народа, что дальше?

– Вопрос о награждении сразу отпал, – беспомощно развел руками Симаков, – не положено, мол. Зато у некоторых товарищей появился другой вопрос. А соответствуют ли действительности представленные вами сведения, Елизавета Григорьевна? Можно ли основываться на них при разработке столь важной операции, как засылка агента в самое сердце абвера – кенигсбергский центр? Не завербованы ли вы, не даете ли дезинформацию? Одним словом, Елизавета Григорьевна, подозревают измену. Даже скажу больше – попытались даже обвинить.

– Но это неправда! – воскликнула Лиза, и слезы от незаслуженной обиды выступили у нее на глазах. – Это ложь! Вы же знаете, Николай Петрович! И про отца – тоже ложь! Все – ложь, – сдернув рукавицы, она стиснула руки на груди.

– Тихо, тихо, не нужно кричать, – майор успокаивающе обнял ее за плечи. – Да, я знаю, хотя мне и не положено не только знать ничего подобного, но даже сомневаться и беседовать с вами на эту тему. Но я руководил вашей работой, Елизавета Григорьевна, и хотя никто не говорит впрямую, обвинения косвенно ложатся и на меня. Я знаю, что они несправедливы. И надо сказать по чести, все остальные это тоже знают, но нужен повод. Дочь за отца не отвечает – у нас это только на бумаге. Как все и всегда. Да что там говорить! – он огорченно махнул рукой.

– Так значит, если меня до сих пор не арестовали, это просто задержка? – спросила Лиза, стерев рукавицей слезы с лица. – За мной приедут или вы меня сейчас заберете?

– Никто за вами не приедет, – сообщил неожиданно майор, – за вас заступились. В очень высокой инстанции, – он показал пальцем вверх. – Кто, сказать не имею права. Но тот, кто сделал это, как мне известно, был знаком с вашим отцом очень давно. Приказано отправить вас из Москвы, чтобы не мозолила глаза злопыхателям. Они примолкли, но большие люди быстро забывают о своих протезах, а злопыхатели не дремлют, рано или поздно дождутся случая, возьмут свое...

– Кто за меня заступился? – Лиза не поверила в то, что услышала.

– Мне приказано оставить это в тайне, – Симаков отвел глаза. – Не спрашивайте, Елизавета Григорьевна, все равно не скажу. Немцы сейчас намереваются на юге ударить, у нас формируется спецчасть, пойдет в Воронеж. Вас, Елизавета Григорьевна, назначат переводчиком при штабе. Вы по-немецки хорошо говорите. Будет вам применение. Это единственное, что сейчас возможно предложить.

– А мне большего и не надо, спасибо вам, – Лиза с благодарностью сжала руку Симакова. – Я даже представить не могу, что останусь в Москве.

– Это верно, – Симаков понимающе покачал головой, – подальше от начальства – оно надежнее. Если говорить честно, я бы и сам махнул на фронт с радостью. Там хоть знаешь, где враг и кто враг. Но не могу.

– А что о Наталье, сестре моей, нет ли каких сведений? – спросила Лиза тревожно.

– Ничего нет, – вздохнул Симаков, – как в воду канула. Ничего не удалось выяснить, увы.

– Товарищ майор, – Лиза серьезно посмотрела на чекиста, – скажите откровенно, вы верите мне? Что ни одного дня я даже мысли не допускала, чтобы остаться у немцев. Несмотря на все, что случилось с моим отцом.

– Я же сказал, верю, – ответил он, понизив голос, – и даже больше. Я знаю, что вы, Елизавета Григорьевна, достойны награды. Я отстаивал вас до последнего. Самого чуть не арестовали. Но плетью обуха не перешибешь, – с грустью признался он. – Даст бог, время все расставит по местам. Надо надеяться. Надо жить. Надо дожить, Елизавета Григорьевна, обязательно. Немец нынче прет, почти как в сорок первом. Что ни загадывай, а он свою корректировочку внесет. В общем, Елизавета Григорьевна, зайдите сегодня по этому адресу, – он передал ей сложенную треугольником бумагу. – Там предупреждены, все документы оформят, как надо. А завтра – в путь. Счастливо, Елизавета Григорьевна, – он пожал Лизе руку. – Не горюйте. Еще легко отделались.

– Спасибо, товарищ майор, – только и смогла вымолвить она.

Последняя ночь в общежитии была такой же бессонной, как и все прежние. Ареста Лиза не ждала, но прокручивала в памяти свой разговор с майором Симаковым и не могла понять – кто за нее заступился? Кто из знакомых отца достиг столь высокого положения в советской иерархии, что имеет возможность влиять на решения НКВД? И почему этот человек не помог самому комбригу Голицыну? Сколько ни будоражила она свою память – никого припомнить не смогла. И это показалось Лизе очень странным. Она знала многих, с кем общался ее отец, возможно, кроме тех, с кем он дружил до революции, кто эмигрировал. Но это же и вовсе абсурд. Никто из эмигрантов не может повлиять на НКВД. А вот эта организация вполне способна любого из них выкрасть, арестовать и расстрелять. «Нет, здесь явно какая-то путаница, – размышляла Лиза. – Никак иначе». Но даже если путаница и имела место, она сохранила Лизе жизнь – а это уже немало. Надолго ли?

На следующий день она уже тряслась в теплушке по направлению к фронту. Сидела, закутавшись в шинель, среди офицеров, из которых не знала никого, да и не хотела. Слушала грубоватые мужские шутки, вздрагивая при каждом взрыве хохота в вагоне. Ее мысли то снова обращались к майору Симакову и ее неведомому спасителю, то наполнялись переживаниями о сестре. Говоря по совести, наблюдая за мелькающими серыми, безрадостными пейзажами, Лиза не представляла себе обратного пути – она предпочла бы никогда не возвращаться с войны. И это острое чувство холодного отчаяния захватывало ее все сильнее. Внезапно перед глазами у нее предстало, казалось бы, забытое воспоминание – железнодорожная станция в Таллинне, немецкий эшелон, уходящий на восток. Дивизия «Дас Райх» отправлялась на фронт, под Москву. Она приехала на станцию, чтобы проводить лейтенанта Крестена. Интересно, что сказали бы все важные московские начальники, узнав, что она провожала на фронт немецкого офицера – наверняка раздули бы этот факт настолько, что не помогло бы ничье заступничество, если только самого товарища Сталина. Провожать, выдавать государственные секреты, быть просто честным человеком, как ее отец – для Лубянки все одно, все наказуемо. Жив ли он, лейтенант Крестен? Нелюбезно встретила его Москва, может, и сложил голову где-нибудь под Волоколамском. А может, едет теперь на юг с эшелоном, как и она, только с другой стороны, с запада. Лизе почему-то казалось, что Крестен

бы несколько не удивился, узнав, как ее приняли в Москве. Но он об этом не узнает. Они уже никогда не встретятся. И Лизе, неожиданно для нее самой, вдруг стало грустно от этой мысли.

Солнце палило нещадно. Усевшись на складной стул посреди степи, обер-лейтенант Рудольф Крестен рассматривал в бинокль русские позиции, а над ним его денщик Фриц держал цветастый пляжный зонт и жалобно уговаривал:

– Господин обер-лейтенант, пойдете лучше в укрытие, самолеты же налетят...

– погоди, – отмахнулся от него Крестен, – не отвлекай меня. Смотри, – он указал вперед стеклом, который держал в руке, – тут есть кое-что поинтересней твоего нытья. Русские фрейляны с батареи, которые вчера наши танки обстреливали, купаться собрались, нагишом. Без всякого тебе смущения. Вот что значит – передовые политические взгляды. Не то что наша протухшая буржуазность. А ты говоришь «самолеты». Самолеты тут, дружок, не страшны. Как думаешь, – он обернулся к покрасневшему денщику, – надо бы вылазку устроить. И батарею захватили бы, и девиц, прямо в чем мать родила. Вот это была бы операция! Не то что наши генералы придумали – брать в танковые клещи. Другим надо брать. Благо есть кого и за что. Само просится. Ты как, пойдешь на такое дельце? – иронично осведомился он у Фрица, подмигнув.

– Господин обер-лейтенант, вот вы все шутите, – денщик сделался пунцовым как отварной рак, – а я вам про самолеты серьезно говорю. И из пушки могут грохнуть. Или снайпера вызовут. Это ж надо – такой зонт выставить! Его не только с русских позиций, из Берлина видать, наверное. Нельзя же так рисковать, господин лейтенант.

– Снайпера здесь нет, не волнуйся. Снайперы у них на вес золота, – успокоил невозмутимо Крестен. – У них и автоматов, один – на пятерых. Из пушки слишком близко, из ружья слишком далеко. Так что не дрейфь, Фриц, ничего с нами не случится. А ты чего это покраснел? – поддел он денщика с издевкой. – Тоже мне солдат. На, посмотри, – он протянул бинокль, – чего отворачиваешься? Взгляни, какая широта взглядов. Не то что наши, наденут купальники от мадам Шанель – скукота да и только. А русские живут интересно. У них там целый батальон из фрейлянов. И все такие упитанные, глаз радуется. А у нас на весь Восточный фронт одна приличная женщина, и та – полковник люфтваффе. Пистолет, на все пуговицы застегнута, она тебе и в стратегии, и в тактике лучше нашего разбирается и даже по-английски говорит без запинки. К такой не подойдешь, если ты хотя бы не обергруппенфюрер. Ну, ладно, что ты уставился? – Руди отобрал у денщика бинокль. – Понравилось? Зонт держи ровно, а то уже спину припекает. Кстати, а где эта наша, «по провианту»? – вспомнил он. – Которая тебе нравится.

– Фрейлян Хельга? – уточнил Фриц. – Так она не по провианту, а по связи.

– Все одно. По связи – это очень хорошо, в определенном смысле. Позови ее. Пусть шнапсу принесет.

– Хорошо, только ей вы нравитесь, господин обер-лейтенант, – робко заметил Фриц.

– Больше всех ей нравится мой приятель, майор фон Лауфенберг из люфтваффе, потому что он барон, – ответил Руди резонно. – Она для него и кудри накручивает. Но по большому счету, какое это имеет значение? Давай зови и зонт не забудь. Я его еще в Амьене раздобыл, чрезвычайно полезная вещь.

А в штаб генерала Родимцева на другой стороне фронта по короткому затишью привезли почту. Увидев, с какой радостью офицеры и солдаты разбирают письма, Лиза вышла из занятой штабистами избы и присела на лавке рядом – она избегала смотреть на чужую радость, чтобы не бередить собственных сердечных ран. Ведь ей никто не присылал писем, и сама она никому не писала. Она не завидовала тем, кого ждали, любили, помнили, просто

очень остро чувствовала свое одиночество в такие моменты. Прижавшись спиной к дощатому забору, она закрыла глаза. «Конечно, когда кто-то ждет и любит, можно выдержать многое, есть ради чего терпеть, но как трудно одной, всегда одной, особенно – когда тебе не верят, подозревают. Когда все, кого любила, погибли...» Вдруг кто-то осторожно тронул ее за плечо, позвал:

– Лизвета Григорьевна, заснула, что ли? – по насмешливому голосу она сразу узнала Лешку Орлова. Вообще, Лиза даже немного побаивалась его, потому и вздрогнула. Про парня говорили, что он пьяница, буян. В сорок первом войну начал в офицерском звании. Но попал в плен, бежал, был разжалован. Под Москвой кровью вернул лейтенантские погоны. Но из-за любовной истории с девушкой-санинструктором, служившей у него во взводе, сцепился со штабистом, которому та приглянулась. Затеял драку, скандал замяли, но Орлов снова угодил в рядовые.

Лиза сторонилась его даже не из-за подобных пикантных приключений, хотя считала, что вести себя подобным образом, когда война и враг наступает – само по себе аморально. Ей не нравился его характер – вспыльчивый, несдержанный. Матерщинник, он разносил всех, правых и неправых, подчиненных и начальников. Мало того, Орлов казался Лизе злым по натуре. И хотя офицеры при Родимцеве с большим уважением рассказывали, как он бесстрашно поднимает в атаку залегших под огнем бойцов, и поощрялся за то неоднократно, но затем умудрялся «прогулять» свои подвиги и снова схватить выговор. Орлов привлекателен, Лиза знала, что он нравится всем девчонкам на батарее. Высокий, темноволосый, светлоглазый, загорелый до черноты, будь он потише, она, возможно, и разделила общее мнение. Но громогласность Орлова просто подавляла. Она старалась держаться от него подальше. Жизнелюбие, хлещущее через край, не находило отклика в ее душе. К тому же Лиза отчетливо понимала, что Орлов тоже недолголюбивает ее. Он считал ее не к месту вежливой и излишне воспитанной. Его раздражали ее вечные «спасибо», «извините», «не могли бы вы». На «вы» Лиза обращалась даже к писарям и ординарцам Родимцева. А Орлову нравились разбитные бабенки, попроще, вроде его прежней зазнобы – санинструкторши, которую, как он уверял, не забудет никогда в жизни. Когда же Орлов случайно узнал, что Лиза к тому же – генеральская дочка, и вообще из «бывших», он окончательно потерял к ней интерес. «Сидела бы лучше дома, – с презрением комментировал он, наблюдая, как светловолосая переводчица, не реагируя на его задиристые высказывания, выполняет свою работу. – Куда лезет! Ее же ветром сдует. А если немец в наступление поперет, она же того...» – и переходя на шепот, хихикал, прикрывая рот ладонью. Лиза молча терпела его выходки. Вступать в перебранку ей не позволяло воспитание. Орлов, скорее всего, и понятия не имел, что пришлось пережить им с сестрой в день ареста отца-генерала, который не давал Орлову покоя, и что вообще с этим генералом стало...

– Письма привезли, Лизавета, – повторил Орлов. – Письма чего не получаете?

– Мне никто не пишет, – Лиза подняла голову. Слезы, так и не пролившиеся, покалывали глаза.

– Почему? – Орлов явно удивился. – Ваша семья вам не пишет? А генерал-то, отец ваш, где командует? Вы почему не при нем?

– Мой отец нигде не командует, – Лиза с трудом сдержала раздражение. – Мой отец умер еще до войны, – продолжила она сухо. Ей не хотелось вдаваться в подробности. Человек, стоявший перед ней, мог оказаться стукачом, среди них часто встречались такие вот «рубахи-парни», за пазухой у которых полеживал камушек, и немалый.

– Мать умерла, когда я была маленькой. Так что семьи у меня нет, – она говорила, не глядя на него, смотрела в степь, простирающуюся до самого горизонта. – Была сестра. Но она скорее всего погибла в сорок первом. Во всяком случае, я о ней ничего не знаю.

– А родом откуда? – спросил Орлов неожиданно тихо. – Из Москвы?

– Нет, из Ленинграда, – ответила она грустно.

– Ну, ничего, прогоним фашистов, сестричку найдете, – из потеплевших глаз Орлова проглянуло нечто похожее на заботу. И необычное это выражение огрубевшего в вечной окопной грязи солдата, бывшего офицера, чрезвычайно удивило Лизу.

– Если она жива, – Лиза слабо улыбнулась. Он взял ее за руку, пообещал:

– Все будет хорошо. Вот увидите. Покатятся фрицы как миленькие..

Всего час назад она видела Орлова, когда он кричал на кого-то из пехотинцев, сумрачного, с худым серым лицом. Сейчас его словно подменили, в его красноватых от бессонницы глазах с лукавым прищуром искрились радость, забота и нежность. Стена, стоявшая между ними, рухнула. С тех пор Орлов стал заботиться о девушке, опекать и защищать ее от навязчивых посягательств разного ранга командиров, особенно штабных, которые не отказались бы сделать ее своей любовницей. В этом ему, правда, открыто помогал сам комдив – Родимцев, сразу дав понять окружающим, что Лиза – не чета остальным и находится под его личной опекой. Родимцева подкупала ее незащищенность и уязвимость и необъяснимая своей обреченностью тихая покорность, готовность умереть, не проронив ни звука, не попросив о помощи.

Сталинград... Под напором немецких войск части Красной армии, неся чудовищные потери, неуклонно откатывались к Волге. Смерть, которая стала обыденностью, кровь, рукопашные схватки, непрерывные атаки с воздуха – все это заставило Лизу забыть прежние обиды. В зареве пожаров, за черной стеной дыма день уже ничем не отличался от ночи. Бывали минуты, когда Лиза уже не чаяла остаться в живых. Дивизия генерала Родимцева находилась на самом напряженном участке фронта. Лизе снова пришлось вспомнить все свои партизанские профессии – она была и телефонисткой, и санитаркой, и вестовым, не говоря уже о непосредственных обязанностях переводчицы. Она и не подозревала, что может столько вынести. Лиза увидела множество простых русских людей, которые ежеминутно жертвовали собой, без бравадных речей и маршей, в шинелях, бушлатах, плащ-палатках поднимались навстречу смерти, словно это было самое обыкновенное, будничное дело. Из морячков, прибывших утром, к вечеру не осталось в живых никого. Прислали бригаду на подмогу – от нее уцелело с десятков бойцов, да и те все раненые.

В ноябре пришлось особенно туго. Немцы вошли в город. Бои шли за каждый дом. Пропахшая гарью, измазанная кровью, в одной гимнастерке, – куда-то делся ее полушубок, – Лиза лежала на покрытом пороховой копотью снегу рядом с трупами русских и немцев. Пулеметный огонь не давал даже поднять головы. Земля сотрясалась от гула танков и артиллерийской канонады. Сверху лился непрекращающийся свинцовый дождь. Казалось, города уже нет, а в нем нет живых – только руины. Но едва немцы поднимались на штурм, каждый подвал, каждый закоулок города огрызался огнем.

Прижимаясь к земле, Лиза чувствовала, как отчаянно колотится сердце. Вдруг треск пулеметов стих. Приподняв голову, она увидела, что прямо на нее движется цепь вражеских автоматчиков. Ветер с привкусом пороховой гари ударил ей в лицо. Понимая, что помощи ждать неоткуда, Лиза сдернула с погибшего рядом бойца автомат и начала стрелять.

– А ну, стой, стой! С ума спятила, что ли?! – бросившись на нее, Орлов прижал девушку к земле, – и ответный огненный шквал пронесся над их головами.

– Алексей, откуда вы? – только и смогла вымолвить Лиза, и... громко чихнула, снег набился в ноздри.

– Прямо из-под земли вылез, – не удержался, чтобы не сострить Орлов. – Вон из-под того сугроба. Девица, ты в своем уме? В голом поле, в полный рост, хоть бы пригнулась, кто ж так воюет! Так прямиком на тот свет транспорт можно заказывать.

– А где наши? – спросила она, едва шевеля губами.

– Наши – там, – он махнул рукой в сторону ближайших развалин.

– А здесь?

– Здесь, милочка, немцы. Вот схватят, узнаешь тогда. Пошли, быстро! – И Орлов, схватив ее за руку, ползком потащил за собой. – Не отставай.

Под перекрестным огнем чудом добрались до подвала. Потом нырнули в люк, через большую, пробитую снарядами трубу – в соседний дом. Силы оставляли Лизу, она бежала все медленнее, фактически Орлов уже волочил ее на себе. Вдруг – чу! Впереди послышались шаги и громкая гортанная речь, смех: немцы.

Орлов отпрянул назад и прижался к стене за выступом, закрывая Лизу собой.

– Кругом темно, авось не заметят, – шепнул он Лизе. – Ну, а если заметят, тогда, мадам, значит, не судьба.

– А сколько их? – спросила она.

Он только неопределенно пожал плечами.

Они оба напряженно вглядывались в темноту. Немцы приблизились. Впереди шел офицер, рядом с ним какой-то шуплый ефрейтор светил фонарем. За ними – унтер и солдаты, человек десять. Офицер что-то громко обсуждал с унтером, солдаты смеялись. Чувствовали они себя вполне спокойно, уверенные, что русских поблизости нет.

Орлов не понимал чужой речи. Он думал лишь об одном – прошли бы, не заметили бы! Сам он не боялся, ему и черт не страшен, а вот Лиза, она совсем измоталась, силенок нет, не убежит. Лиза, хотя и знала немецкий, сперва не прислушивалась к разговору. Прикинув к плечу Орлова, она дрожала от нервного озноба, ей было стыдно за свою слабость, но она ничего не могла с собой поделать. Вдруг она выпрямилась. То ли ей почудилось, то ли на самом деле она узнала голос. Кто это говорит? Офицер? Нет, этого не может быть!

Немцы подошли совсем близко. Лица офицера не было видно, беседуя с унтером, он отвернулся. О чем они говорят? Лиза напрягла слух: кажется, вспоминают о Франции. Она подалась вперед, и камень, кувыркнувшись, скрипнул у нее под ногой и упал на каменный пол. Орлов поднял автомат, с досадой дернув ее за руку. Лиза замерла. Слышали или нет? Конечно, слышали. Остановились. Лучик фонарика заскользил по стенам. Офицер сам взял фонарь, осветил по всем углам. Солдаты взвели автоматы и подняли их, приставив к животу.

Луч фонаря неуклонно приближался. Потом скользнул в сторону и осветил лицо офицера. Лиза чуть не вскрикнула: Руди! Она узнала его. В шинели, в офицерской фуражке. Конечно, это он. Он смотрел прямо на нее усталыми светлыми глазами. Она не сомневалась, что он видел ее и Орлова тоже. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга. Вдруг на его лице мелькнуло что-то вроде насмешки, он отвернулся и приказал солдатам идти дальше: «А помнишь, Ганс, последнюю ночь под Амьеном? – снова беззаботно заговорил он с унтером, – Мы хорошо там повеселились. Ты прав, здесь совсем не то...». Они ушли. Голоса и шаги их стихли. Сердце Лизы радостно забилося: он увел их, увел.

– Слышишь, Лиза, – тихо сказал Орлов, – а ты понравилась офицеру. Он ведь видел нас, стервец, да, похоже, пожалел тебя. И у них есть люди.

Лиза не могла вымолвить ни слова. Понравилась! Знал бы Орлов, где она прежде встречалась с Крестеном! И если сказать честно, она никогда не задумывалась над тем, какое впечатление произвела на немецкого лейтенанта в Таллинне. Нет, просто он пожалел ее, так же, как и тогда, в конце сорок первого, когда не донес в гестапо. Но странным, необъяснимо странным казалось то, что, увидев ее, сразу узнал – значит, не забыл. От этой мысли Лизе почему-то стало вдруг радостно и тепло на душе.

До своих они добрались. Прижав Лизу к груди, Орлов сказал с нежностью:

– А ты счастливая, Лизка. Из такой катавасии выпутались, а я уж думал – все, кранты, – и попросил смущенно: Ты уж не серчай, если я там чего прежде. – И, приподняв лицо, заглянул ей в глаза.

Она улыбнулась:

– Да что там, вам спасибо, Алексей Васильевич, – а сама все возвращалась в памяти к недавно пережитому, словно заново чувствуя на себе взгляд усталых светлых глаз обер-лейтенанта. Окажись кто другой на месте Крестена – не остаться бы им в живых.

Штурм Сталинградского вокзала шел уже пятые сутки. На каменное четырехэтажное здание, в котором оборонялись остатки русского батальона, обрушилось столько мин и снарядов, что казалось – его сотрут в пыль. Уже не должно было остаться ни единой живой души, но как только немецкая пехота поднималась в атаку, здание вновь оживало. Немцы откатывались. Вдруг у разбитых белых фигур, украшающих фонтан на привокзальной площади, поднялся офицер и, подав знак солдатам, не пригибаясь, в полный рост, повел их на новый штурм. Пули веером пронесли над ним. Он вздрогнул, согнулся. Но выпрямился и сделал шаг вперед. Еще выстрел – упал на колено, но упрямо встал...

– Герр обер-лейтенант, – молоденький солдат подскочил к нему, отчаянно схватил за плечи, – вы ранены, герр обер-лейтенант...

– Вперед, веди их, Фриц! – в уголках губ офицера появилась кровь, лицо передергивало, он облизывал кровь с губ и, задыхаясь, повторил:

– Вперед! Веди их, мой мальчик.

– Нет, я не оставлю вас, герр обер-лейтенант!

– Фриц... – извивающиеся струйки крови поползли по подбородку офицера. Упавшая фуражка открыла жесткие светлые волосы. Он устало сомкнул веки, прерывисто дышал и жадно глотал воздух. Фриц приподнял его голову и положил себе на колени. Потом, напрягая силы, потащил по снегу назад, к своим. Глаза его застилала слезы.

– Волга! Волга! А, черт! Опять связь перебило, – генерал Родимцев бросил трубку телефона, раздраженно потирая руки, прошелся по блиндажу. – Лизавета, – взгляд его тусклых от многих бессонных ночей глаз обратился к Голицыной, – давай беги к Петровскому на батарею, огонька, огонька пусть подкинут. Давит фриц, продыху не дает!

– Слушаюсь, товарищ генерал, – отдав честь, она взбежала по обитым досками земляным ступеням вверх. Вокруг дым, гарь – день, ночь – не разберешь. Снег – бурый от крови и пепла. Почерневшие остовы зданий – точно гигантские пауки на фоне затянутого серой пеленой неба. Она спрыгнула в траншею – от грохота орудий заложило уши. Пригибаясь под обстрелом, побежала к артиллеристам. Добравшись, увидела, что на батарее непривычно многолюдно. Оказалось, приехал сам командующий Донским фронтом – Константин Константинович Рокоссовский, чтобы своими глазами оценить обстановку. Полковник Петровский находился при нем, в блиндаже проходило совещание.

– Тяжелые, кровопролитные бои, – Лиза услышала, как Рокоссовский говорит по телефону, – личный состав дивизий не доходит и до половины, товарищ Сталин, потери существенные. Нет, я считаю, что позиции удержим. Но надо усилить танками...

– От кого? От Родимцева? – перед Лизой возник порученец Петровского Зеленин, – Алексей Александрович занят.

– Генерал просит поддержать огнем, – быстро доложила Лиза, задыхаясь. – У него на командном пункте все штабисты, и те в бою, вот я одна осталась. Генерал так и сказал, очень нужно, чтобы бог войны подсобил.

– Сейчас доложу, – сообразив, кивнул Зеленин и нырнул за плащ-палатку, разделявшую блиндаж на две половины. – Сядь, сядь, девица, совсем запыхалась, – пожилой солдат в выцветшем ватнике, перетянутом ремнем, легонько тронул ее за плечо. – Вот чайку хлебни, – подставил он кружку.

– От Родимцева? – спросил Рокоссовский. – Мы сейчас едем к нему. Алексей Александрович, – обратился он к главному артиллеристу, – есть еще резервы?

– Найдем, Константин Константинович, – ответил тот.

Лиза не знала, что делать дальше: уйти, а вдруг у командующего фронтом найдутся к Родимцеву приказания? Сидела на перевернутом ящике из-под снарядов, мимо нее то и дело пробегали ординарцы, адъютанты командующего. Измученная бессонными ночами, она и сама не заметила, как задремала, прислонившись головой к стене. Вдруг прямо над собой она услышала женский голос:

– Зеленин, полковник еще не освобожден?

Лиза вздрогнула и открыла глаза – голос показался ей знакомым, но она никак не могла сообразить, кому он принадлежит. Словно слышала его когда-то очень давно, и в памяти мгновенно возникли милые сердцу картины детства, дача под Ленинградом, походы гурьбой за грибами, качание на качелях над заросшим белыми лилиями прудом. Почему? Почему так? Она повернулась. В блиндаж спустилась высокая женщина в белом полушубке и форменной шапке с красной звездочкой. Адъютант Петровского Зеленин, который уже вышел от командующего, вскочил с самодельного стула и вытянулся.

– Никак нет, Алексей Александрович на совещании, – доложил он.

– Я тебе скажу, Катерина Алексеевна, что все твои затеи в сложившейся обстановке, это просто смешно, – вслед за женщиной в блиндаж спустился начальник политотдела фронта Хрущев. Он был явно раздражен и все время тыкал пальцем в какую-то бумагу, которую держал в руках. – Такое можно придумать, только если совершенно не разбираться во всем происходящем, – выговаривал он.

– А что тебе не нравится, Никита Сергеевич? – женщина довольно резко обернулась к нему. – Ты считаешь, что солдату нужно только про танки, про пулеметы, про партию рассказывать? Я не спорю, – надо, но и человеческим чувствам необходимо найти место. Ведь у каждого остались дома родные, любимые, ждут их. Ведь о них вспомнить – не то что у здорового, у искалеченного бойца силы найдутся, чтобы бить фашиста. Вот Костя Симонов написал стихотворение «Жди меня», в скольких сердцах оно нашло отзвук! Так побольше, побольше нам надо и песен таких, и стихов, я ж все тебе присылаю. Не только листовки, чтоб фрица пропагандировать, нашим тоже не грех переписать душевное стихотвореньице да распространить по окопам. Пусть вспомнит о доме солдат, пусть сердцем отгадет.

– Лирика, значит, требуется! Так у нас главное политуправление считает, – Хрущев даже закашлялся от возмущения, – а ты погляди, Катерина Алексеевна, что вокруг творится. Какая лирика? Бой ни на минуту не стихает.

– А ты собрания не собирай, это уж точно не к месту, я тебе говорю, перепиши стихотвореньице да пусти по окопам, патефон заведи, как стихнет все, что трудно тебе? Человеку же моральную силу так же восстанавливать требуется, как и физическую. Для физической кормим мы его кашей с тушенкой, а для души что? Беседа об общем положении на фронтах не поможет. Мало этого.

– Ты, Катерина Алексеевна, все хорошо говоришь, теоретически, – возразил Хрущев. – Только я считаю все это ненужным совершенно расслаблением. Если бы ты побыла тут у нас подольше...

– А я и побуду, Никита, ты даже не сомневайся, я надолго приехала, и всем займусь лично. Чайком балуешься, Зеленин? – спросила она адъютанта и сдернула шапку. – Может, и меня угостишь?

– Обязательно, Катерина Алексеевна, – Зеленин пододвинул ей стул и, сняв с огня чайник, сунул его пожилому солдату:

– Макарыч, принеси воды. Скоренько, скоренько, давай.

– Садись, Никита, – Катерина Алексеевна придвинула Хрущеву толстый деревянный чурбак. – Сын-то твой здесь, в Сталинграде? – спросила она с участием.

– Да, у вокзала, – вздохнул тот, усаживаясь, – пятый день штурмуют.

Катерина Алексеевна качнула головой, наклонилась к огню. Лицо у нее было довольно молодое, с тонкими, словно выточенными чертами, но осунувшееся и серое от усталости. Светлые волосы заплетены в косу и собраны на затылке.

Забыв, что скорее всего эта незнакомая женщина из главного политуправления выше ее по званию, Лиза смотрела на нее во все глаза. Она даже упустила из виду, что рассматривать незнакомого человека столь пристально – просто неприлично. Но Лиза была уверена, что встречалась с ней прежде, однако где, при каких обстоятельствах – не могла вспомнить.

Зеленин прибежал с чайником, ополоснул кружки, плеснул в них кипятку, бросил заварку. Разложил на обрывке газеты несколько сухариков.

– Вот прошу, угощайтесь, Катерина Алексеевна, – предложил он. Вдруг, взглянув на Лизу, вспомнил о ней: – Это, у меня из головы вылетело, – проговорил он слегка виновато. – Константин Константинович как узнал, что Родимцев вас прислал, ну, женщину, в смысле, сказал назад не отпускать, он сам к вашему генералу едет, с ним и отправитесь. А то еще подобьют на обратном пути. А так надежнее.

– А что у Родимцева? – не отрывая взора от огня, спросила женщина.

– Прижали к Волге, сволочи, – с досадой ответил ей Зеленин и подал кружку. – Вы угощайтесь, а то остынет.

– Да, спасибо, – она повернулась. Взгляд ее светлых глаз упал на Лизу, и... остановился. – Это вы от Родимцева? – спросила она с заметным удивлением.

– Так точно, – Лиза встала, одернув полушубок, – лейтенант Голицына.

– Голицына? – переспросила Катерина Алексеевна, и на лице ее вдруг мелькнуло выражение ласковой нежности, которое, правда, довольно быстро сменилось привычной бесстрастностью. – А зовут как?

– Елизавета Григорьевна, – ответила Лиза в замешательстве. Женщина понимающе кивнула, точно она ждала того ответа, который услышала.

– Все, едем, – плащ-палатка откинулась, Рокоссовский стремительно прошел по блиндажу, за ним торопились военачальники и ординарцы. – Катя, – чуть помедлив, обратился он к женщине, – ты со мной?

– Нет, мы с Никитой вернемся в штаб фронта. Времени мало, надо кое-что обмозговать. Мы с ним не по пушкам или танкам, мы за боевой дух ответственные. Так что сначала надо подготовить материал, а потом уж в войска его давать. Мне Твардовский и Симонов по целой поэме сочинили. Вот оформим, как полагается, и комиссарам вниз спустим. Пусть читают, как обстрел стихнет. – «Жди меня и я вернусь, только очень жди...» – Рокоссовский покачал головой. – Стихи хорошие.

– Не только, – ответила Катерина Алексеевна, – хотя это тоже. Кашу маслом не испортишь, что хорошо, не грех и повторить. Но есть у нас и новенькое оружие. Вот например, как вам, товарищ командующий, такое, дай-ка Никита, – она взяла у Хрущева лист бумаги и прочла: «Пусть то безымянное поле, где нынче пришлось нам стоять, вдруг станет той самой твердыней, которую немцам не взять. Ведь только в Можайском уезде слышали название села, которое позже Россия Бородином назвала». Костя мне перед самым отъездом сюда принес. По-моему, неплохо.

– Даже очень хорошо, – похвалил Рокоссовский, – обязательно надо напоминать солдатам о славной истории их предков, о том, что и прежде случались в России нашествия, трудные, роковые дни, но выстояли. И теперь выстоим. Ну, ладно, сочинители, поступайте как знаете, я бы тоже послушал. – Рокоссовский слабо улыбнулся. – Но времени нет, потопимся, товарищи, – обернулся он к свите, – а то уже темнеет.

– Езжайте, езжайте с генералом, – шепнул Лизе Зеленин, – он разрешил. Я провожу, осторожно, Елизавета Григорьевна, ступеньки тут.

– До свидания, лейтенант Голицына, – вдруг сказала ей Катерина Алексеевна, – надеюсь, увидимся еще.

– Кто она? – спросила Лиза у Зеленина, когда они поднялись наверх.

– А вы не знаете? – удивился тот. – Это же Белозерцева, зам. начальника управления по идеологии. Она комиссарами командует, и чтоб дух в войсках держался боевой – писатели там всякие, поэты, песенники, бригады концертные – все через нее проходят. Говорят, наш командующий к ней равнодушен, – сообщил Зеленин, понизив голос. – Но это между нами, – предупредил он сразу, – я ничего не говорил.

– Я понимаю, – ободрила его Лиза.

Усевшись на заднее сидение автомобиля рядом с начальником штаба Рокоссовского, она задавала себе один и тот же вопрос. Может ли быть такое, что Катерина Алексеевна Белозерцева, зам. начальника идеологического управления Красной армии и юная Катя Белозерская, вдова князя Григория Александровича, которая появлялась у них на даче еще при жизни отца – одно лицо? Она была очень мала тогда, а сестру Наташу Фру качала в колыбели на террасе, когда Катя приезжала к ним, и Лиза впервые увидела белокурую, красивую гостью из Москвы. Да, ее голос, певучий, слегка надломленный, с благородными тонами она запомнила хорошо. И тонкий профиль лица, и горделивую осанку и хрупкое изящество фигуры. Как ни старалась Лиза, к сожалению, ее детская память не запечатлела большего. Она только вспомнила, что мать очень волновалась перед приездом Белозерской, да и потом постоянно чувствовала себя явно неловко с ней. Возможно, в том скрывалась какая-то двусмысленность их внешне дружеского расположения друг к другу, возможно, мать ревновала отца, но Лиза тогда не способна была понять эти сложности. А теперь... Что теперь? Теперь она даже не знает точно, сделала ли Катя карьеру в советских кругах, и как ей это удалось? Но совершенно неоспоримым был тот факт, что Катерина Алексеевна явно узнала ее, и загадочное сообщение майора Симакова о том, что за нее, Лизу, заступилось некое высокопоставленное лицо, обрело вполне определенный смысл. Она предполагала, кто это мог быть. Хотя и не знала наверняка, конечно.

Спустя несколько месяцев она встретилась с Белозерцевой снова. 31 января 1943 года окруженная группировка Паулюса сложила оружие. Пленные немецкие военачальники были доставлены в штаб 64-й армии генерала Шумилова. Лизу вызвали среди других переводчиков участвовать в допросах. Но перед «беседой», как выразился генерал Шумилов, он предложил пообедать. Все понимали, немцы в окружении голодали, а на голодный желудок – какой разговор. Паулюс поблагодарил генерала, но отказался, сказав, что не может есть, пока русские не пообещают накормить его солдат и оказать медицинскую помощь.

– Мы все сделаем, я уже распорядилась, – ответила за Шумилова Белозерцева по-немецки, и столь бегло и чисто, что Лиза удивилась, да и немцы тоже. Катерина Алексеевна вошла в комнату, поприветствовав генерала и его подчиненных, холодно кивнула пленным.

– Какой сегодня чудесный, прямо-таки весенний день! – произнес Шумилов без особого энтузиазма, лишь бы заполнить паузу.

– Победный день, – добавила Белозерцева по-русски. – Переведите, – обратилась она к Лизе. Ее знакомые с детства фиалковые глаза взглянули на Лизу прямо, безбоязненно, с легкой грустью. – Переведите, что сказал генерал, а что я – необязательно. Раз все условия выполнены, – она обернулась к Шумилову, – пора за стол.

– Так вы и стол накрыли? – удивился он. – Быстро.

– Конечно, – она пожала плечами, – а чего тянуть. День чудесный. Вы, Елизавета Григорьевна, садитесь к нам поближе, – пригласила она Голицыну. – Мне переводчик не нужен, а генералу ваши услуги понадобятся.

За столом Белозерцева расположилась прямо напротив Паулюса. Подозвав Лизу к себе, она тихо сказала: – Майор Симаков, вы помните его? Мы прежде были с ним связаны по

службе. Он мне рассказывал о вас. Я думаю, все скоро уладится, и вы получите награду, которую заслужили...

– Но, – Лиза растерялась, не зная, что ответить. В это время генерал Шумилов встал из-за стола и предложил тост:

– За победу Красной армии!

– Но это лишнее, – тихо проговорила Белозерцева, – для чего тогда было затевать обед!

– Нет, генерал, – Паулюс тоже поднялся, – я пью за победу немецкого оружия.

Получив отпор, Шумилов покраснел и поставил бокал.

– Я предлагаю выпить за здоровье, – в напряженной тишине произнесла Белозерцева. – За здоровье, Миша, – она многозначительно посмотрела на Шумилова, – оно нам всем пригодится, – и тут же повторила то же по-немецки, разрядив ситуацию.

После обеда Катерина Алексеевна повела Лизу с собой – осмотреть пленных. Кому оказать медицинскую помощь, как накормить всех, куда поместить офицеров, где пока содержать солдат. С ней шел Хрущев, мрачный, осунувшийся – он узнал накануне, что его сын, считавшийся пропавшим без вести, погиб при обороне Сталинградского вокзала. Кроме него Катерину сопровождал довольно большой штат подчиненных.

Едва начали проверку, подскочил сухощавый энкэвэдэшник из Москвы, с инструкцией устроить показательный расстрел, в целях устрашения. Да и своих приструнить, дабы не очень-то радовались, напомнить о неусыпном оке НКВД. Он уже объявил о своей затее в штабе Шумилова, там отнеслись к ней неодобрительно: и так пролито столько крови, куда еще? К тому же расстреливать безоружных, без суда и следствия?..

– Кто этим будет заниматься? – негодовал Шумилов.

– Найдем, – язвительно успокоил его особист. – Всегда находили, и сейчас найдем.

– Солдат не дам, ни одного человека, – грозно отрезал генерал.

– А мне и не надо, – с ехидной улыбочкой парировал тот. – Среди пленных найдем, и палачи, и жертвы сыщутся.

– Нет, я доложу Рокоссовскому, это просто вакханалия какая-то! – Шумилов взялся за телефон.

– Мне надо пленных, человек с тридцать, – объявил особист Белозерцевой. – Быстренько организуйте. Желательно офицеров.

– А как фамилия, простите? – Катерина Алексеевна насмешливо взглянула на него.

– Чья? – не понял он.

– Ваша, товарищ. Вы откуда, вообще, свалились?

– Майор Суэтин, – сухо ответил энкэвэдэшник. – Прибыл по особому указанию. Имею полномочия.

– Да вы что, опупели, что ли? – не выдержал Хрущев. – Больше заняться нечем?! Какие еще, к черту, полномочия? На бойню?

– Подожди, Никита, – остановила его Белозерцева, – не похоже, что товарищ Суэтин все сам придумал. Надо доложить командующему и уточнить в Москве.

– Но мне приказано, – попробовал возмутиться Суэтин, – мне приказано, не теряя времени...

– Придется потерять, – оборвала его Белозерцева. – Командующий фронтом разберется, а пока отдыхайте, товарищ Суэтин. Я уверена, что здесь вашим способностям найдется лучшее применение.

Вскоре выяснилось, что Суэтин действительно получил вполне определенные указания, и они исходили с самого верха.

– Да, крепкий орешек, – сокрушался Хрущев, – нашими щипцами его не расколоть. Звони на Лубянку, Катя, – подтолкнул он Белозерцеву по-свойски, под бок. – Если ты там не

договоришься, – кто договорится? Лаврентий-то тебя послушает? – он как-то двусмысленно усмехнулся.

– Оставь эти пошлости, Никита, – поморщилась Катерина Алексеевна. – У Лаврентия и помоложе меня найдутся, за кем увиваться. Целый Большой театр под боком. Да еще консерватория.

– А я вовсе не то имел в виду, – запротестовал Хрущев. – Я говорю о твоих прошлых заслугах. НКВД должно о них помнить. Насколько я знаю, лично «хозяин»...

– Вот именно, – Белозерцева оборвала его жестом, – «хозяин» только и может воздействовать на них. А мои заслуги, Никита, все равно что салфетка в ресторане, вытерлись да выбросили – и весь сказ. Я еду к Рокоссовскому, – она встала. – У него прямая связь...

Ожидание было долгим и тяжелым. Допросы отменили. Как допрашивать, если вот-вот чуть не весь немецкий генералитет поставят к стенке? Шумилов напряженно мерил шагами пространство кабинета. Наконец ближе к вечеру из штаба фронта сообщили – расстрел отменяется.

Узнав об этом, Хрущев не выдержал:

– Как тебе это удалось, Катя? – кинулся он к Белозерцевой, едва она появилась. – Неужели все-таки через Лаврентия? Или... – он как-то нелепо, желая, чтобы никто не заметил, указал пальцем, – хотел вверх, а получилось – в окно. Но Катерина Алексеевна хорошо поняла его.

– Вот именно, «или», – усмехнулась она. – Что и каким образом – тебе, Никита, знать незачем. Ты должен знать ровно столько, сколько положено. И ничего больше. А Лаврентий, – она безнадежно махнула рукой, – это хитрый лис, умеет подладиться, словно ничего подобного и не приказывал.

Белозерцева вышла на крыльцо. Присев на ступени, закурила папиросу.

– Катерина Алексеевна, вы простудитесь, холодает уже, – заметила Лиза озабоченно. Выйдя следом, она набросила Белозерцевой на плечи полушубок.

– Ничего, я крепкая, – ответила та как-то сдавленно, обернувшись. Лиза с удивлением увидела, что в глазах у нее стояли слезы.

– У вас будут неприятности в Москве? – высказала она предположение.

– Чепуха, – Белозерцева пожала плечами и сбросила с папиросы пепел на снег. – Просто такое ощущение, что искупалась в дерьме. Но иначе никак нельзя. Особенно с такими, как Суэтин. Сами скоты, – проговорила она со столь неожиданной прямоотой, что Лиза вздрогнула. – Они только по-скотски и понимают. Спасибо тебе, девочка, – она с благодарностью сжала руку Лизы. – Иди, отдыхай. Завтра будешь переводить Рокоссовскому, – подернутые красноватой сеточкой от усталости фиалковые глаза Белозерцевой взглянули прямо Лизе в лицо, – и словно снова зашелестели над головой старинные вяза у пруда под Лугой, послышался щебет птиц в листве, готовившихся ко сну.

– Простите, – дрогнувшим голосом произнесла Лиза, извиняясь, сама не зная за что, потом, повернувшись, чтобы скрыть нахлынувшее волнение, поспешно вошла в избу. Спрятавшись за большую русскую печь, где штабисты отвели ей самое уютное, теплое местечко, она долго не могла заснуть. Усталость, такую, что казалось, только преклони голову – и заснешь, как мертвая, точно рукой сняло, – воспоминания детства взбудоражили душу, и Лиза никак не могла успокоиться. Неожиданно появилась мысль – может быть, набраться смелости и попросить Катерину Алексеевну, когда она вернется в Москву, разузнать о судьбе сестры Наташи? Вдруг она тоже арестована или того хуже, – Лиза вздрогнула, – ее, как и отца, давно нет в живых? Ей почему-то казалось, что Белозерцева не откажет, согласится помочь, тем более у нее имеются все необходимые связи, вплоть до приемной Сталина. Но откуда у знакомой ее отца, бывшей аристократки, они появились, – столь трудного вопроса

Лиза не задавала себе. Она понимала, что ответ, который, конечно, существует, ей не найти никогда.

Накинув полушубок, Лиза спустилась с печки, перешагнув через спящих прямо на полу связистов, сдавших смену, она тихонько вышла во двор и направилась в соседнюю избу, занятую высшими начальниками. Зеленин, дежуривший у Петровского, куда-то вышел. На удивление, в приемной, где вечно яблоку негде было упасть, на этот раз было пустынно. Дверь в кабинет была приоткрыта. Войдя в приемную, Лиза сразу увидела Белозерцеву. Она сидела за дощатым столом, заваленным картами, напротив Петровского. Длинные волосы, собранные прежде на затылке, распустились. Катерина Алексеевна наклонилась, и они, упав вперед, почти закрыли лицо. Лиза услышала, как она тихо сказала: «Признаюсь, когда мне приходится иметь дело с “суэтинными”, я порой жалею, что меня не расстреляли в двадцатом, слишком хорошо помню, как убивали в тридцать седьмом».

Понимая, что она – лишняя и может помешать, возможно, важному разговору, Лиза повернулась, чтобы уйти. Но скрипнула половица, и это выдало ее присутствие.

Белозерцева обернулась.

– Не спится, Елизавета Григорьевна? – спросила она.

– Я, простите, – Лиза смутилась, не зная, что ответить.

– А что Зеленин? Уже убежал куда-то? На кухню лясы точить? – накинув полушубок, Катерина Алексеевна встала и подошла к девушке. – Если не спится, – она понизила голос, – приглашаю посмотреть со мной кино. Я всегда его смотрю, когда сон не идет или просто плохое настроение. Согласны, Елизавета Григорьевна? – она внимательно посмотрела на Лизу, и той показалось, что кино – лишь предлог, Белозерцева желала сообщить ей нечто гораздо более важное.

– Да, Катерина Алексеевна, я готова, – согласилась она без обиняков.

– Вот и славно, – комиссар явно обрадовалась, – тогда пойдем ко мне. – Алексей Александрович, – повернулась она к Петровскому, – думаю, я вам больше не нужна пока. Никита обещал, как только листовки будут готовы, их в первую очередь привезут сюда. Я сама выступлю перед солдатами.

– Да, вы вправе распоряжаться собой, Катерина Алексеевна, – полковник согласно кивнул, и во взгляде, устремленном на Белозерцеву, Лиза прочла нескрываемую печаль.

– Я расположилась в небольшой пристройке, вход со двора, – объяснила Белозерцева Лизе, выходя первой. В сенях какой-то политработник зачитывал свободным от своих обязанностей солдатам статью из газеты. Читал вяло, сонно, бойцы клевали носом.

– Волосюк, – проходя, окликнула его Белозерцева. Сон как корова языком слизнула, политработник вскочил, за ним – все слушатели. – Вот так, формально, Волосюк, ты проводишь политзанятия? – упрекнула Катерина Алексеевна подчиненного. – У меня такое ощущение, что ты сам не веришь тому, о чем читаешь. И сколько можно? Я шла к полковнику, – ты читал, иду обратно – снова читаешь, и все ту же статью. Ты что, неграмотный? По слогам складываешь слова? Или, – она прищурилась, – читаешь, лишь когда я мимо прохожу, а в остальном – анекдоты травите?

– Что вы, Катерина Алексеевна, – комиссар Петровского побледнел. – Просто устали бойцы, плохо воспринимают, да и у самого глаза слипаются.

– Так ты лучше отдохни, – посоветовала Белозерцева. – Чего самому мучиться и людей зря мучить? Иного времени не найдешь, что ли?

– Так только ночью и затишье, – продолжал Волосюк почти жалостливо. – Как рассветает, иных дел хватает. А передовица в «Правде» хлесткая, не в бровь, а в глаз...

– Но теперь полегче будет, откатился Манштейн, – ответила Катерина Алексеевна уже мягче, – так что погоди до утра, дай бойцам выспаться. А передовица действительно хороша, – согласилась она. – Погодин писал, у него талант, умеет зажечь оптимизмом и

дух поднять. Вот завтра и прочти товарищам, чтобы настроение было соответствующее. А теперь все, заканчивай, заканчивай мучить бойцов. Спать, спать! – распорядилась она.

– Спасибо, Катерина Алексеевна, – протянул кто-то.

На улице сразу цепко схватил мороз, снег скрипел под ногами, в высоком черном небе голубовато переливались звезды, казалось даже, что они раскачиваются. Вокруг царила непривычная тишина. Плотно запахнув полушубок, Белозерцева быстро прошла через двор и взбежала по обледеневшим ступеням на крыльцо соседней избы. Толкнула дверь в сени, войдя вслед за ней, Лиза сразу почувствовала запах молотого кофе, такой знакомый и уже давно забытый.

– Антонов! – крикнула Белозерцева с порога, – что, готово у тебя?

– Так точно, Катерина Алексеевна, – выскочив из-под большого прямоугольного экрана, растянутого на стене, доложил киномеханик. – Прикажете начинать?

– Начинай, – согласно кивнула Белозерцева. – Садись, – указала она Лизе на стул в углу горницы. – Пальто, шапку снимай, а то жарко будет: у меня натоплено сильно, я люблю, когда так. Сейчас кофе принесу. – Катерина Алексеевна подошла с небольшому столу перед самым входом, взяла с плитки дышащий паром чайник, налила из него в две кружки густоватой, ароматной жидкости. – Не настоящий, конечно, с ячменем и цикорием перемешан, – пояснила она, передавая одну кружку Лизе, – но все равно неплох.

– Спасибо, – поблагодарила та, смущаясь, – я и такого-то не пила давно.

– Вот и побалуйся, – усмехнулась Белозерцева.

Киномеханик придвинул ей потертое бархатное кресло. Она села рядом с Лизой. Только теперь Лиза заметила, как она изменилась. Лиза поняла, что до сих пор память рисовала ей образ Катерины Алексеевны, каким она помнила его в детстве, несколько искажая реальность. Увы, Белозерцева – или княгиня Белозерская, что вернее – сильно изменилась. Прошедшие годы явно не прошли даром, принесся скорее всего горе и разочарование. Катя похудела, осунулась, черты лица заострились, у глаз проступили морщины.

Тем временем на экране замелькали полосы – начался фильм. Потом появились первые кадры – и... Лиза чуть не выронила кружку с кофе из рук. Она напрочь забыла о том, что намеревалась попросить Белозерцеву о Наташе. Она сразу узнала Ленинград. Скорее – его величество Санкт-Петербург. Погибший город. В черном зеркале невиской воды отражались слегка расплывчатые очертания его зданий и крепостей, до боли знакомые, до слез милые Лизину сердцу. По мрачному свинцовому небу плывут шпили и купола соборов в туманном сумраке белой ночи. Словно остовы погибших кораблей, над рекой вскинулись пролеты мостов. Скользят, роясь, по воде тусклые блики ночных фонарей. Кажется, вот-вот у набережной канала появится призрак Пиковой дамы, а из серого мрака подворотни выйдет девушка, закутанная в платок – Сонечка Мармеладова. На самом горизонте, где свинцовые тучи, как кажется, соприкасаются с темной гладью вод, протянулась узкая багровая полоска света – последний луч заходящего солнца ослепительно блеснул на шпиге Петропавловки, будто отчаянно пытался рассеять наступающий немилосердно мрак. Словно всколыхнувшись, черное зеркало заиграло сполохами. Взметнулась растревоженная чайка, ее пронзительный, гортанный крик пронесся над безлюдными, притихшими берегами. Распластав в воздухе крылья, птица на мгновение зависла в потоке яркого света, словно проткнув тая насквозь штыком Петропавловского шпиля, а потом камнем рухнула вниз. Весь город, кажется, как покинутый, полусгнивший корабль качался на волнах, – и на этом фоне, в скорбном, гробовом безмолвии внезапно появилось небольшое судно. Оно двигалось вдоль гранитных набережных, медленно приближаясь, словно по мифической, а вовсе не реальной реке, по реке времени, сквозь сгущающийся туман. Судно рассекало черные волны, борясь с ними, и движется дальше – мимо застывших величаво растрельных колонн, стрелки Васильевского острова. Затаив дыхание, Лиза вдруг поняла, что судно на экране – вовсе не

мистический Летучий Голландец, как ей показалось с первых мгновений. Это старая, ржавая посуда, с разбитыми мачтами – как символ города. Только несчастье и печаль выбросили над ним флаги, ни искры жизни – все мертво вокруг. Лиза бы нисколько не удивилась, обнаружив на капитанском мостике призрак с безразличным, прозрачным взглядом остеклевенных глаз. Корабль без команды, корабль мертвого капитана в покинутом, брошенном людьми городе – что может быть ужаснее? Кадр укрупнился и стала видна палуба корабля, она заняла собой весь экран. И вместо мистического капитана Лиза узнала... саму Катерину Алексеевну. Только немного моложе, чем теперь. Она стояла, прижавшись спиной к мачте, ее волосы трепал балтийский ветер. На плечи накинута шинель, но без знаков различия, простая солдатская шинель, старомодная, времен Первой мировой войны. Откинув голову, Белозерцева смотрела вдаль, но ее синие, как аквамарин, глаза, были неподвижны. Она вся казалась безжизненной – как статуи Летнего сада, мимо которого проплывал корабль. Потом неестественно медленно она перешла на корму, наклонилась над водой, и ее отражение понеслось вслед за судном, перемежаясь с отражением шпиль, куполов, зданий.

Вечерняя заря над городом постепенно гаснет. Корабль причалил к пристани недалеко от Исакия. Катерина Алексеевна сошла по трапу. Вокруг – ни шепота листвы, ни вскрика, ни смеха. Вот она вступила на главную площадь города, в центре которой – Александрийский столп, увенчанный ангелом. Ее обступают дворцы, арки, и снова – все безмолвно, настороженно, холодно. Гранитные набережные привели Катерину Алексеевну к дому, узкие окна которого смотрят на погруженный во мрак Петропавловский собор. Перед домом несколько черных машин – и все. Больше никого – ни человека, ни бездомной собаки, ни случайного автобуса или трамвая. Облокотившись на гранитный парапет, женщина склонилась к воде, и... по воде вдруг пробегает темная пена, словно поднявшаяся со дна.

Все действие проходит перед зрителем без звука – точно в немом кино, никакого сопровождения – ни музыкой, ни голосом. Безлунная печаль северного города, бывшего еще недавно блистательной столицей империи, скользит по экрану, тая во мраке. Она окутывает ажурные решетки оград, вздыбленных коней на мосту, которых едва удерживают на скаку атланты. По вытянувшемуся пустынной стрелой проспекту женщина подходит к скульптурам на Аничковом мосту и, на мгновение остановившись перед ними, направляется к особняку, фасад и стены которого украшены изваяниями из темного камня – они мрачно смотрят в воды Фонтанки рядом. Лиза хорошо знала этот дом – дом князей Белозерских совсем недалеко от того места, где когда-то жила и их семья. Женщина вошла в дом, поднялась по парадной лестнице, – никто не встретил ее. Пусто. Как и весь город, дом безлюден. На экране мелькают давно покинутые хозяевами мрачные залы дворца, некогда блиставшие роскошью: в окнах – разбитые стекла, в комнатах – расколотые зеркала. На украшениях потолка сбита и содрана позолота. Женщина подошла к окну в большом, пустынном зале с давно разобраным камином в стене. Перед ней – легендарные кони на Аничковом мосту, уходящая вдаль темно-серая лента Фонтанки со скорбно толпящимися по берегам островами некогда богатых дворцов – кораблей. И снова все тает в тумане и мгле.

– Антонов, останови, – приказала Катерина Алексеевна киномеханику, в ее голосе отчетливо послышались слезы. – Сколько раз смотрю, никак не могу привыкнуть.

– Что это было? – ошеломленно спросила Лиза. – Я родилась в Ленинграде, но никогда не видела его таким. Вы были в городе после прорыва? – она имела в виду прорыв блокады, случившийся полмесяца назад. – Теперь так выглядит город?

– Что ты, девочка, – усмехнулась Белозерцева. – Теперь там намного хуже. А так было в тридцать седьмом, когда не стало твоего отца. Я думаю, ты узнала меня, – она обернулась к Лизе. – А я сразу догадалась, что ты дочка Гриши. Когда твой начальник Симаков рассказал мне о тебе, я не верила, что мы когда-нибудь свидимся, а вот пришлось...

– Так это вы спасли меня в сорок первом? – Лиза решила наконец задать давно мучивший ее вопрос.

– Да, я. Спасла – уж больно громко сказано. Я и себя не спасла, не то что тебя, – добавила она с горечью. – Что смогла, то и сделала. Опять же через Лаврентия. И, конечно, не задаром. Отсрочила – скажем, так. Но пока идет война – тебе нечего бояться. А там, – она махнула рукой, – еще неизвестно, кто доживет. И здесь, на фронте, и там, в Москве, – заметила она многозначительно.

– Мне мама говорила, что вы полячка? – спросила Лиза смущенно. – Родом из Кракова.

– Да, верно, из Кракова, – Белозерцева опустила голову. – Только я не полячка, я – из русской семьи. Моя девичья фамилия – Опалева. Род наш древний, известен еще от времен Ивана Грозного, но не знатный и обедневший. При царице Екатерине мой прапрадед участвовал с Суворовым в войне на территории Польши, там и получил поместье недалеко от Кракова. Деды мои служили в основном по военной части, но большого состояния не выслужили, – Белозерцева вздохнула. – Только ордена да раны на память. В генералы тоже не выбились, оба полковниками вышли в отставку. Обычные армейские служаки, все при солдатах, в гарнизонах, а в миру – провинциальные тузы. В столицах бывали нечасто. Жили своим хозяйством, но как крепостное право отменили, тут и вовсе в долги скатились. Отец к началу Первой мировой войны драгунским поручиком служил, оклад небольшой – всего 120 николаевских рублей. Только что – фамилия да семейные традиции, а ими сыт не будешь. Матушка моя – и вовсе поповская дочь, Евтухова урожденная, собой была пригожа, вот и приглянулась папеньке. Да недолго прожила с ним – родила меня да померла в горячке. Он и оплакать ее не успел – услали на Кавказ усмирять восставших горцев, а затем – грянула война четырнадцатого года. Война – такая штука, она всех равняет, – Катерина Алексеевна грустно улыбнулась. – Раньше мой отец, ставший к тому времени капитаном, и помыслить не мог, чтобы водить дружбу с самыми блестящими офицерами империи, представителями знатных петербургских семейств. Но на войне важны не происхождение, не наследство, доставшееся от родителей, а совсем другие качества – смелость, отвага, способность быстро решать боевые задачи. Отец оказался очень толковым офицером. Он провел несколько удачных операций по разведке со своими драгунами и был отмечен начальством. Более того, он подружился со своим непосредственным командиром – князем Григорием Белозерским, блестящим петербургским франтом, командовавшим его дивизией. Отец стал вхож в кружок Белозерского, тот даже позволил называть себя просто Грицем. В конце пятнадцатого года, мой отец был смертельно ранен подо Львовом. Я помню, как приехала к нему в госпиталь со своей старой няней Глафирой. В то время мы жили в подмосковной деревеньке Савинки, где у Глафиры были родственники, – наше имение в Польше было захвачено немцами и разграблено. У отца началась гангрена, ему отрезали ногу, но гангрена развивалась. Мне сказали, что жить ему осталось несколько дней. Попрощаться с отцом мне так и не довелось – он умер, не приходя в сознание. Я осталась одна, совершенно одна на свете, без родителей, без средств к существованию. Мне было тринадцать лет. Встав на колени перед кушеткой, на которой лежал покрытый простыней отец, я тихо плакала, когда кто-то тронул меня за плечо, и я услышала незнакомый голос:

– Екатерина Алексеевна, примите мое соболезнование. Не отчаивайтесь, мы не оставим вас.

Белозерцева немного помолчала, справляясь с волнением, затем продолжила рассказ:

– Я повернула заплаканное лицо и увидела его, князя Белозерского. Наверное, мои несчастные родители, размышляя о моем будущем, желали мне более легкой судьбы, чем выпала им самим. Но они и представить не могли, что их дочь, провинциальная девица Катя Опалева, однажды станет княгиней Екатериной Белозерской. Каким я впервые увидела Грица?.. Это был промозглый ноябрьский день. И он стоял передо мной в заляпанной гря-

зью после скачки шинели с погонами, сдернув шапку, – с пышной шевелюрой темно-русых волос – и смотрел на меня с сочувствием и даже удивлением. Наверное, не ожидал, что у капитана Опалева уже такая взрослая и вполне миловидная дочь, «капитанская дочка», почти по Пушкину, – улыбнулась Белозерцева. – Гриц Белозерский был одним из самых завидных женихов империи в то время. Он, единственный сын княгини Алины Николаевны Белосельской-Белозерской, грандамы императрицы, должен был унаследовать после смерти матери огромное состояние. Он был, конечно же, приближен к императорской семье. В столице Гриц прославился громкими любовными похождениями, всегда принимал участие в гвардейских кутежах. И его самыми закадычными дружками считались великий князь Дмитрий Павлович и князь Феликс Юсупов, женатый на Ирине, дочери великого князя Александра Михайловича. Говорили, что только этой троице удастся рассмешить вечно мрачную царицу Александру Федоровну. Я хорошо помню их всех, – Катерина Алексеевна вздохнула, – мне довелось встречаться с ними в Париже уже после революции при куда менее приятных обстоятельствах. Дмитрий Павлович, по-романовски красивый и немного грустный, а Феликс... Феликс был так хорош, – она рассмеялась, – в него можно было влюбиться с одного взгляда и никогда уже не забыть, до самой смерти. С ними же подвизался и юный Гриша Голицын, твой отец, Лиза, – Белозерцева перевела на девушку блестящие от слез глаза. – С ним я познакомилась в тот же день, что и с князем Белозерским. Прапорщик Гриша Голицын, порученец командующего Алексеева. Я знала его таким, каким ты не видела никогда, разве что на фотографии.

– Нет, на фотографии я тоже не видела, – прошептала Лиза. – Папа уничтожил все фотографии и никогда не рассказывал мне о своем прошлом. Если я и знала что-то, то от моей няни Фру.

– Некоторое время после смерти отца, – продолжала Катерина Алексеевна, – я оставалась при госпитале. Невеста князя Белозерского, княжна Мария Шаховская, служила там сестрой милосердия, и князь попросил ее взять меня на попечение. Маша Шаховская поразила меня, – Катерина Алексеевна откинулась на спинку кресла, вспоминая. – Она никак не соответствовала тому образу девицы благородного происхождения, который был принят в провинциальном обществе, где я воспитывалась. Тогда я поняла, что в столицах – совсем другая жизнь. Там время ушло далеко вперед, а у нас все еще девятнадцатый век. Огненно-рыжая красавица, весьма свободных взглядов, Маша курила сигары, носила юбки, открывавшие щиколотку и даже выше, показывая красивые ноги. Она не побоялась последовать за своим возлюбленным на фронт, более того – разделять с ним ложе, когда о свадьбе еще и речи не было. Надев косынку сестры милосердия, она холеными, изнеженными руками, на которых носила драгоценные украшения, переворачивала в госпитале солдат с гноящимися ранами, с вонючими пролежнями. И совсем не пугалась этого. Я многому научилась у нее. Но все же не выдержала долго – простудилась, да так сильно, что Маша посоветовала Грицу отправить меня в Петербург, к лучшим докторам. Сама же вызвалась и отвезти. Тогда она жалела меня, и последующей, лютой вражды ничего не предвещало – княжна не могла представить всерьез, что провинциальная девочка однажды отнимет у нее жениха. Да это и не могло прийти ей в голову! Княгиней Белозерской должна была стать она, а стала я. Спустя четыре года, в 1919 году. А Маша, узнав об этом, покончила жизнь самоубийством в Париже.

– Покончила самоубийством? – Лиза вздрогнула, словно не поверив тому, что услышала.

– Увы, – Белозерцева вздохнула. – Но если говорить начистоту, то брак их должен был быть заключен по расчету. Гриц и Маша были помолвлены, как только девочка родилась: она была младше Грица на шесть лет. Родители заключили соглашение, исходя из меркантильных соображений, никакие симпатии не учитывались. Да и о чем говорить, когда жениху седьмой год, а невеста еще в колыбели. Мать Григория, княгиня Алина Николаевна, сама в

девичестве – Шаховская, потому и подобрала сыну невесту из своей многочисленной родни. Однако, в отличие от множества подобных случаев, когда будущие супруги подросли, они понравились друг другу и не противились своей судьбе. Пока не появилась я.

Князя Белозерские имели великолепный дворец в Санкт-Петербурге у Аничкова моста на Невском проспекте, тот самый, который тебе хорошо известен. Гриша Голицын с матушкой жили всего в двух домах от нас, и мадам Голицына часто навещалась в гости. В Смоленской губернии у Белозерских было обширное поместье, приданое Алины Николаевны. Родовое же гнездо – на берегу живописного озера Белое в Вологодском крае, откуда князя Белозерские и повели свой род.

– Значит, в Петербург вы попали впервые с княжной Шаховской? – уточнила Лиза.

– Да, именно тогда, – подтвердила Катерина Алексеевна, – приехала в город, о котором столько рассказывали мои немногочисленные знакомые в Опалеве, но где никто из них не бывал, даже проездом. Стоял декабрь, время накануне Рождества. В Петербурге было сыро, ветрено. Мы въехали в город рано утром. Княгиня Алина Николаевна только поднялась. Нам повезло: накануне ей не здоровилось, и она отменила визиты, не то встала бы не раньше полудня. Встретила она нас с Машей весьма прохладно. Но прочитав письмо сына, переданное ей Машей, прониклась ко мне сочувствием. Позднее она всюду брала меня с собой и называла своей воспитанницей, рассказывая о подвигах моего отца. Мы посетили множество праздников, принимали гостей у себя. Княгиня справила мне очень приличный гардероб, обучила как правильно вести себя, хотя я вначале безнадежно терялась, не в силах справиться с волнением. Меня поразил театр, о котором я мечтала, не бедный, уездный или случайно заезжий, а настоящий императорский, с Матильдой Кшесинской.

Княгиню Алину я сперва побаивалась. Она была очень строгой женщиной. К тому же, на мой взгляд, она была фантастической красавицей. Все в ней вызывало у меня восторг и поклонение: и величавость манер, и утонченный профиль, и всегда убранные в высокую прическу волосы, и внимательные строгие серые глаза. Не говоря уже об украшениях, о нарядах, о множестве безделушек, о существовании которых я даже не подозревала у себя в Опалеве, а уж тем более в Савинской слободе. Она проводила у себя приемы по четвергам, и на какое-то время я стала главным событием для всех знакомых княгини, они съезжались со всей столицы, чтобы посмотреть на меня. Маша Шаховская, пожив с нами некоторое время, снова вернулась на фронт к Грицу. Вскоре после ее отъезда княгиня Алина повезла меня в Царское Село, чтобы представить своей патронессе, императрице Александре Федоровне.

– К императрице?.. Вы видели ее?! – не удержалась Лиза. – Какой она была? Расскажите, пожалуйста!

– Теперь, когда прошло больше четверти века и я знаю трагическую судьбу этой женщины, я отношусь к ней с симпатией, понимаю ее гораздо лучше, чем тогда. Но в первый наш визит государыня Александра мне не понравилась. Она показалась мне излишне нервной, придирчивой, даже мелочной. Могла ли я тогда подумать, что спустя всего лишь три года, проводив семейство государя до Екатеринбурга под охраной красноармейцев, мы с Алиной Николаевной навсегда попрощаемся с ними, а сами отправимся в деревушку Сизовражье, в тридцати верстах на север. Там матушку Грица и других приближенных императрицы ждала такая же участь, как и их патронессу. Чудом уцелев в бойне, я осталась жива одна и, спрятавшись в звериной норе, без хлеба и воды, все-таки дождалась прихода войск адмирала Колчака.

А тогда, в первый мой приезд, Петербург был совсем не тот, что в фильме, который снял позже для меня один мой друг, а потом отправился из-за него по этапу. В Петербурге у Елисева продавали свежую клубнику в январе, в самый разгар войны. Это был прекрасный город, пленительный, возбужденный новогодней суетой. Он исчез вместе с теми людьми, которые жили в нем прежде. И в последующем, когда мне пришлось начинать новую жизнь уже при

советской власти, я избегала приезжать на свидания с ним. Я жила и живу в Москве, – Катерина Алексеевна надолго замолчала.

– А после революции? Как сложилась ваша судьба? – осмелилась нарушить затянувшуюся паузу Лиза.

Белозерцева тяжело подняла глаза:

– В конце тридцатых меня арестовали и, продержав в камере на Лубянке два месяца, отправили в ссылку. Правда, в отличие от многих, которым повезло меньше, позволили выбрать место где жить. Подальше от столицы, естественно. Я выбрала Белозерское. К тому времени усадьба уже почти двадцать лет не принадлежала княжескому семейству, из которого никого не осталось в живых. Не принадлежала она и мне, – Катерина Алексеевна печально склонила голову, постукивая пальцами по деревянному поручню кресла. – Сначала в усадьбе планировали разместить детский летний лагерь, но потом, как всегда, бросили затею, едва начав. Ведь дом требовал ремонта, а сад – заботливых рук, а значит, надо было потратить деньги, их, как всегда, не нашлось.

Грустная картина открылась мне, когда я вернулась в Белозерское. Старый Александровский парк, названный так в честь князя Александра Михайловича, который его устроил в начале девятнадцатого века, не просто одичал, он был варварски покалечен. Деревья полуманы, кусты и клумбы вытоптаны, беседки разрушены, каналы заполнены илом, смешанным с нечистотами. Ничего подобного не случилось бы, если бы усадьба по-прежнему принадлежала хозяевам. Сад был не просто заброшен – он умер, как княгиня Алина Николаевна, как ее сын. Словно почувствовал, что остался одинок и решил разделить трагическую участь с теми, кто его любил. Больно, страшно больно было смотреть на останки некогда пышно цветущих деревьев, которые торчали из земли словно кости мертвых из развороченных могил на кладбище.

Из всех прежних обитателей дома меня встретил лишь старый солдат, служивший денщиком еще у отца князя Григория, и его жена – ослепшая на один глаз старуха. Они старались по мере сил поддерживать в доме порядок в память о бывших господах. Помню, как не в силах сдержаться отчаяния, я села на крыльцо и плакала, закрыв руками лицо. С тех пор только во сне мне виделось неистовое цветение вишен и яблонь вокруг белого дома с колоннами перед входом. Розовая россыпь махровых цветов жасмина. Я видела себя среди душистого буйства лета шестнадцатого, предреволюционного года, последнего, счастливого года в моей жизни. В длинном белом платье, с белокурой косой, закрепленной на затылке большим синим бантом, я бежала по жасминовой аллее к чайному китайскому домику, где обычно перед закатом собиралась вся семья. С семнадцатого года сад стоял покинутым и одиноким. Побитые морозами деревья были вырублены на дрова равнодушными гегемонами, из сформированных в Вологде отрядов местного реввоенсовета, сожжены спьяну, они погибли так же, как их прежние хозяева в страшном месиве Гражданской войны, были свалены в кучу и сброшены в овраг, без права переписки, – Катерина Алексеевна усмехнулась. – И только в памяти моей сохранились те прекрасные дни, когда попевали в Белозерском смородина и крыжовник, когда на открытой к озеру веранде девицы варили из ягод варенье под внимательным присмотром княгини Алины Николаевны. Этим вареньем угощали потом всю зиму многочисленных гостей, приезжавших на четверги в дом к князьям Белозерским на Фонтанку, его, кстати, очень любил Феликс Юсупов.

Мысли Катерины Алексеевны снова вернулись к событиям давно минувших дней. Конечно, мой отец постарался, чтобы я получила должное для девицы из дворянской семьи образование. Я говорила по-французски и по-немецки. Играла на фортепьяно, немного пела. Но для петербургских салонов всего этого было недостаточно, требовались еще кругозор, умение легко вести светскую беседу, куда большее изящество манер. Понимая, что ей предстоит устроить мне партию в столице, княгиня Алина Николаевна пригласила для меня репе-

титоров. Она не предполагала тогда, что отношение Грица к Маше переменится, и он предпочтет ей меня, но даже представляя мне тех, кто посещал ее дом и, возможно, мог составить мне счастье, подробно перечисляла все их регалии, как бы намекая: «Тебе придется вращаться в самых высоких кругах, девочка, так что готовься всерьез». Я была старательной ученицей, и сложись обстоятельства по-другому, не ударила бы в грязь лицом, обвенчавшись с Грицем. Но увы... Мои мечты, как мечты многих, составлявших близкий круг княгини Алины Николаевны, разбились, не осуществившись. Их образ жизни был разрушен, теперь он утерян безвозвратно, выкорчеван, как деревья в Александровском саду. И я думаю, что царство темной пролетарской «справедливости» теперь установилось надолго, увы, мы не увидим его конца.

При последних словах Белозерцевой Лиза вздрогнула и как-то инстинктивно обернулась к двери: не слышит ли кто. Но механик ушел, в комнате никого, кроме них двоих, не было.

– Не бойся, Антонов – не стукач, – перехватив ее взгляд, успокоила ее Белозерцева. – Хотя кому теперь можно верить? Себе самому и то – страшно. Но я не первый год держу его при себе, проверяла уж. Другой бы, показав мне фильм, который мы только что смотрели, – сразу бы донес Суэтину или кому-нибудь еще из чекистской братии, но Антонов – молчок. Боишься? – она наклонилась к Лизе, и поскольку та промолчала, потупив взор, сама ответила: – Боишься. И я боюсь, несмотря на все, что уже пережила. Все бояться. А надо пересилить это, только тогда хотя бы что-то переменится.

– Я даже не знаю, боюсь или нет, – ответила Лиза тихо. – Я ко всему готова, уже давно. Но как же вы, Екатерина Алексеевна, попали к красным? Почему вы не уехали в Париж?

– Хотела. Но Шаховские отомстили мне, а я была слишком наивна, доверилась им и не поняла их игры. Они меня наказали за смерть Маши. Наказали на всю оставшуюся жизнь. Я уже упоминала, что в семнадцатом году княгиня Алина Николаевна до конца оставалась рядом с государыней Александрой Федоровной. В самом начале года князь Григорий отличился – всерьез прогневал императрицу. Он был ранен на фронте и приехал домой в недолгий отпуск. За это время он успел вместе со своими друзьями – Феликсом Юсуповым и великим князем Дмитрием Павловичем – совершить отчаянное деяние. Они убили старца Распутина, заманив его на ужин в юсуповский дом. Распутин оказывал на государыню просто магическое воздействие, и многие считали, что именно он – источник всех бед для России. О деянии стало известно. Юсупова и Дмитрия Павловича выслали из России вон – это их спасло от революции, а Грица матушка выгородила перед Александрой Федоровной, ему разрешили вернуться на фронт. Впрочем, заодно Алине Николаевне пришлось выгораживать сына и перед Шаховскими.

Помню, как рано утром хлопнула дверь с Невского, слуги засуетились. До меня донеслись их голоса: «Ваша светлость, Григорий Александрович! Молодой барин приехал!». Алина Николаевна с неубранными волосами выбежала из спальни навстречу сыну и осторожно, чтобы не задеть раненое плечо, обняла его. «Гришенька, сынок мой», – шептала она. Ей и в голову не приходило, что Грица в Петербург вызвал Юсупов, – он уже замышлял свое дело. Я колебалась, не зная, как поступить: самой выйти к молодому князю или подождать, пока меня позовут. Но все же не утерпела – вышла. Только взглянула на него – так смутилась, что хотела убежать в спальню. Но он увидел меня и, отстранив мать, приблизился, чтобы поздороваться. «Как вам живется у нас, Екатерина Алексеевна?», – спросил с нежностью, с участием. А я как-то неловко присела в реверансе, ответила, не поднимая глаз: «Хорошо, князь, благодарю вас». А вечером у Оболенских на глазах всего петербургского общества Гриц танцевал со мной, а его невеста так и простояла, забытая им, и вынуждена была принимать другие приглашения.

Маша рассердилась на князя – но не очень. Она тогда еще не понимала, в чем причина его охлаждения, списывала на усталость от войны. К тому же она не ожидала, что я такая способная ученица. Я научилась прекрасно танцевать, и Гриц не хотел менять партнершу, даже вопреки приличиям. «Ах, Маша, не волнуйся, Катя слишком юна, она просто забавляет Гришу», – убеждала ее Алина Николаевна.

Конечно, с первого взгляда я влюбилась в Грица – это был принц, настоящий принц, но даже не смела мечтать, что моя мечта когда-нибудь сбудется. Встречая взгляд его светлых глаз, я едва удерживалась от того, чтобы не отвернуться и тем выдать себя с головой. Он словно спрашивал: «Ты не забыла меня, Катя? Ты помнишь, Катя?». Я понимала, о чем он мне напоминал: об осенней охоте шестнадцатого года, вскоре после моего приезда в Петербург. Они с Феликсом решили развеселить меня и показать, как травят зайца их отличные английские собаки. Но посреди охоты случилась гроза. Охотники, промокнув, доскакали до сторожки. Там, сняв меня с лошади, Гриц впервые поцеловал меня, еще как девочку, без должного чувства. Но я запомнила этот поцелуй. И как выяснилось позже, он тоже запомнил.

«Мне думается, Алина Николаевна, надобно присмотреть Кате мужа, негоже ей постоянно жить у вас приживалкой», – замечала княгине Маша. «Да, камергер Горчаков интересовался ею, – подтверждала Алина Николаевна, – но Гришенька сказал, что слишком стар». Она уже не увидела, как Гриц сам повел меня под венец, и не узнала о самоубийстве Маши в 1919-м.

Алина Николаевна была преданна государыне всей душой. Пожалуй, она принадлежала к тем немногим бывшим приближенным, которые не отвернулись от династии, когда та пошатнулась. Я все время находилась с княгиней. Полупьяные матросы расположились в Царском Селе и выкрикивали похабные слова под окнами царских дочерей. Я почему-то тогда поймала себя на мысли, что если эти люди станут главными в России, то всякий культурный человек наверняка будет объявлен их врагом. Вообще, семнадцатый год стал для меня страшным откровением, – призналась Катерина Алексеевна. – В Опалеве у меня было много свободного времени, и чтобы не поддаваться скуке, я взяла за правило много читать. Я перечитала всего Тургенева, Достоевского, Толстого, многое из Бунина. Я судила о народе по литературе. Но в Царском Селе в октябре семнадцатого года, глядя на буянившую на площади перед дворцом матросню, я поняла отчетливо, что ничего не знала о русском люде. Самое ужасное, что писатели, уверенные в том, что знают, и убеждавшие в этом всех – ничего не понимали наравне с прочими. Просто туманили дворянству и интеллигенции мозги. Они узрели религиозность, которая всегда была напускной; набожность, которая лишь покрывала языческий разгул; сострадание, не знакомое диким и низким душам. Я со всей очевидностью ощутила, что наступает царство тьмы. И тем, кто не желает разделить с темными силами их торжество, остается только одно – умереть.

Княгиню Алину Николаевну застрелил конвоир из пистолета прямо в грудь ранним утром двадцать пятого июля 1918 года, спустя неделю после того, как в Екатеринбурге была расстреляна царская семья. Это произошло в дереушке Сизовражье, затерянной среди густых лесов. Накануне хозяин дома, в котором нас содержали, бывший казачий есаул, шепотом сообщил княгине Алине Николаевне, что государыни больше нет. Он узнал эту страшную новость из пьяных разговоров с приехавшим из Екатеринбурга комиссаром. А кроме того – что Колчак настолько приблизился к городу, что красные вот-вот побегут.

Алина Николаевна поняла, наша участь решится скоро. Конечно, княгиня Белозерская – не императрица всея Руси, ее бы можно и оставить в живых, но тащить с собой – морока, а бросить наверняка жалко. Легче – кончить. Княгиня гораздо лучше, чем я тогда, понимала людей, во власть которых мы попали по злему року. Она была уверена, нас не пожалуют. И потому надо готовиться к худшему. Вместе с нами находилась еще одна придворная дама императрицы, графиня Анна Александровна Бартенева, с дочерью Машей, которая

была младше меня на десять лет. Хозяин дома предложил нам всем бежать. Но рассудив, обе женщины приняли мужественное решение – спасти детей, самим заплатить за это страшный выкуп. Они понимали, что вчетвером нам не спрятаться – найдут. А так, может статься, махнут рукой на девчонок, тем более что комиссары торопятся.

Перед самым рассветом мы простились с Алиной Николаевной навсегда. Она просила меня обязательно постараться выжить и добраться до Колчака, а затем найти Грица и княжну Шаховскую и рассказать им о случившемся. Она сняла с шеи крест, единственное украшение, которое у нее осталось, и дала мне его на память. То были страшные минуты и длились они очень коротко – есаул торопил нас.

Вместе с Машей мы через черный ход убежали в лес. Спрятавшись в кустах недалеко от дома, мы видели, как Алину Николаевну и Анну Александровну конвоиры вытащили в ярости на двор, а также и хозяина со всем семейством за то, что помог нам скрыться. Перестреляли играючи, с издевкой, без прощальной молитвы. Потом уже мертвые тела втащили в дом и подожгли его.

Не выдержав, Маша выбежала на поляну и с криками: «Мамочка!» – побежала к дому. Ее заметили и застрелили одним выстрелом. Потом бросились искать меня. Я бежала, не разбирая дороги и, видимо, мой ангел-хранитель распростер надо мной крылья: плюнув, они отстали.

Двое суток я блуждала по лесу, уже не надеясь выбраться, пока не вышла случайно к одинокому хутору, хозяин которого, тоже из казаков, позволил мне остаться и ухаживал вплоть до прихода белой армии. Как только я услышала, что передовые отряды Колчака выдвинулись к Екатеринбургу, я сразу попросила хозяина отвезти меня в расположение белых частей.

Григория я нашла без труда, он находился в авангарде с конницей. Князь знал, что его мать до конца останется со своей государыней, и потому рвался к Екатеринбургу, надеясь застать ее в живых. Но увы. Увидев меня, дрожащую, исхудавшую, бледную, он все понял. Только спросил: «Где?». И кликнув казаков, помчался к сожженному хутору. С содроганием сердца смотрела я, как князь руками разрывал угли и пепел на пепелище, желая найти хоть какие-то останки матери – но безуспешно, «товарищи» сложили костер на совесть, видимо, вложив в него всю злость, которую испытывали. Остался только крестик Алины Николаевны, который она дала мне на память перед смертью. Сдернув папаху, Григорий прижал меня к себе и едва слышно, глухо прошептал: «Мы отомстим, Катя. Мы отомстим. Теперь ты будешь со мной. Не бойся». – Голос Катерины Алексеевны дрогнул. Она опустила голову. Потом поставила чашку с остывшим кофе на пол. Сжала руками виски и как-то неестественно наклонилась вперед, закусив до крови губы.

Лиза забеспокоилась:

– Что с вами, Катерина Алексеевна? – спросила она и подошла к Белозерцевой. – Вам плохо? Позвать врача?

– Нет, нет, врач не поможет, – ответила Катерина сдавленно. – Ты иди, Лиза, я справлюсь, сейчас пройдет.

– Об этом не может быть и речи! – запротестовала Лиза. – Катерина Алексеевна, вам надо лечь. Давайте я помогу.

– Спасибо, – Белозерцева приподнялась, опираясь на руку Лизы, потом окинула взглядом горницу. – Брось мой полушубок вон на ту скамью, – указала она под окно, – там лягу.

Лиза быстро исполнила ее просьбу. Катерина едва дошла до постели – ее качало. Когда легла – ее трясло в ознобе, по лицу крупными каплями катился пот. Она скорчилась от боли и сдавленно застонала. Потом все тело ее напряглось и застыло в неподвижности, лицо побелело как снег.

– Катерина Алексеевна! – Лиза не знала, что делать.

Полежав несколько мгновений без движения, Белозерская схватилась руками за скамейку, выгнулась дугой, по всему телу ее прошла судорога. Потом, зажав рот рукой, вскочила с постели и выбежала из избы. Лиза слышала, как ее рвало. Когда вернулась, она села в кресло, уронив голову на руки.

– Вам лучше, Катерина Алексеевна? – спросила Лиза.

– Не волнуйся, – ответила ей Белозерцева, – это пройдет. Так всегда бывает, но пока проходит, слава богу.

– Но почему вы не лечитесь? – Лиза была встревожена не на шутку. – Неужели в Москве никто не может помочь?

– Мне нельзя помочь, – Катерина Алексеевна постаралась ответить беспечно, чтобы скрасить пугающий смысл того, что произнесла. – Сколько проживу, столько и проживу.

– Как это «нельзя»? – испуганно изумилась Лиза. – Я не понимаю. Это врачи сказали?

– Да, врачи, – так же наигранно весело продолжала Белозерцева, не глядя на нее. – У меня пуля в голове, – продолжила она, – достать ее оттуда очень рискованно. Она расположена таким образом, что я могу умереть прямо на операционном столе или, лишившись рассудка, окончить дни в сумасшедшем доме. По большей части она меня не тревожит, но иногда, при неловком движении или излишнем волнении дает о себе знать. Вот как сегодня – страшная боль в голове, мозг словно жжет огонь. Но потом все успокаивается. Пока успокаивается. Мне остается только надеяться, что наука продвинется вперед и подобные операции станут обыденными. Но это будет только после войны, а до этого еще надо дожить.

– Это случилось на войне? – спросила Лиза, затаив дыхание.

– Что? – Белозерцева подняла на нее глаза, – Пуля в затылок? На войне такое случается редко. Слишком уж меткое попадание. Нет, это было еще до войны, – объяснила она. – Таких пуль во мне было восемь штук. Все достали, одна осталась – на память.

– Но как? – все еще не понимала Лиза, точнее, боялась поверить тому, о чем догадалась.

– Обычно. Меня расстреливали. Ты знаешь, я не исключение, расстреливали многих, меня не дорасстреляли. Передумали. Но мне кажется, ты хочешь спросить, как после всего, что мне довелось пережить, я смогла служить Советам? Да и чем я смогла им послужить? Чем – нашлось быстро. Они сами нашли, а вот что касается моей воли – я не была ей хозяйкой. Не по воле, а поневоле вышло так, как вышло. Когда Гриц после убийства Распутина вернулся на фронт, я не писала ему писем, хотя он и просил. Только изредка делала приписки в письмах Алины Николаевны, когда она мне позволяла. Я понимала, блистательный князь – не моего поля ягода, надо ждать жениха поскромнее. К тому же я была уверена, что Алина Николаевна никогда не согласится на наш брак – тогда обрушились бы все ее планы. Я не знала, что время, события развернутся так, что слово Алины Николаевны уже ничего не будет значить. Все перевернется настолько, что прошлые ценности напрочь утратят свое значение. Когда я увидела Грица в конце июля 1918 года, то почему-то подумала, что мы уже не расстанемся. Я не надеялась, – моя уверенность исходила не от рассудка, порождающего надежду, она была интуитивной. Как будто я все знала наперед, но сама себе не могла объяснить.

К тому времени Маша Шаховская окончательно поняла, что Гриц отдаляется от нее. Их свадьба откладывалась сначала из-за мировой войны, а после революции и гибели княгини Алины Николаевны она и вовсе потеряла смысл. Гриц не любил Машу. Единственное, что удерживало его от окончательного разрыва – это слово, данное матери. Он не смел отступить от него, пока она была жива, тем более, когда умерла. Я думаю, он хотел все-таки жениться на Маше только из чувства долга. Но Маша требовала любви, желала вернуть прежнюю горячую, страстную нежность их отношений. А ее-то как раз и не было. В конце концов, не добившись того, что ей так хотелось, Маша в отчаянии бросилась зимой в прорубь. Но ее спасли. Она сильно простудилась. И не слушая ее возражений, Гриша повез ее

сначала в Крым, а потом в Париж. Меня он тоже взял с собой. Только по той причине, что просто не мог бросить на произвол судьбы, особенно после смерти матери.

В Париже Машу поместили в клинику. Григорий почти все время проводил на военных совещаниях, а меня поручили заботам великой княгини Марии Павловны, родной сестры Дмитрия Павловича, у которой был популярный во французской столице светский салон.

Мария Павловна вышла замуж за принца Швеции, но не нашла с ним счастья, так как он оказался гомосексуалистом, потому жила отдельно. Говорили, что всю жизнь она питала излишне нежные чувства к своему брату Дмитрию, что и послужило причиной ее поспешного замужества. Но когда мы встретились с ней, она производила впечатление спокойной, уравновешенной, великодушной женщины. Поскольку она жила за границей, крах дома Романовых ее почти не коснулся, ее дети – дочь и трое сыновей – все были живы и здоровы, а это для Марии Павловны было важнее всего. Она покровительствовала многим деятелям искусства, в частности, Дягилеву.

В Париже в доме Марии Павловны я вновь окунулась в жизнь, которая, казалось бы, навсегда закончилась для меня в Петербурге. Мария Павловна выезжала с визитами, проводила много времени в беседах со знакомыми на званных обедах и ужинах, совершала бесчисленные покупки, а по вечерам посещала театр. Она всюду возила меня с собой. Но мне хотелось чаще видеть Григория, он же появлялся крайне редко. Только в последний день нашего пребывания он повез меня в авто по Елисейским Полям, и тогда виды Парижа, казавшиеся мне самыми обычными, почти как в Петербурге, вдруг обрели в моих глазах необыкновенную красоту и привлекательность.

В декабре 1918 года закончилась мировая война. Мы столько ждали этой победы, но ее праздновали в Париже без нас. Гриша сообщил мне, что возвращается в Россию – генерал Деникин собирал в Ростове Добровольческую армию, перед которой ставилась задача – нанести удар на Москву с юга и соединиться с наступающей с востока армией адмирала Колчака. С северо-запада их поддерживал Юденич. Согласно приказу Григорий Белозерский должен был принять под командование кавалерийскую дивизию и присоединиться к генералам Шкуро и Султан-Гирею, составлявшим ядро конницы.

Уезжая в Россию, Григорий хотел оставить меня в Париже, справедливо считая, что так безопаснее. Великая княгиня Мария Павловна вызвалась взять меня под опеку до выздоровления княгини Шаховской. Поскольку здоровье Маши улучшалось медленно, то опека обещала быть долгой. Мария Павловна даже шутила: «Вы уже займете Москву и позовете нас к себе. Не волнуйтесь, Гриц, я не забуду Катю. Обязательно привезу ее с собой».

Никто не мог представить тогда, что Белое движение потерпит крах, что им не суждено въехать в Первопрестольную под колокольный звон соборов. Это казалось просто невероятным. Но так вышло.

Мария Павловна и князь Григорий уговаривали меня остаться в Париже. Согласись я тогда, моя жизнь сложилась бы по-другому... Но я протестовала отчаянно. Я обещала служить сестрой милосердия в госпиталях, не в состоянии сидеть сложа руки в Париже. После того как увидела смерть княгини Алины, мне хотелось принять участие в наступлении на тех, кто убил ее. Я обманывала себя. Глубоко в душе я осознавала, что на самом деле меня пугает мысль о долгой разлуке с Грицем, а он, как я поняла уже потом, не настаивал на своих доводах, потому что тоже желал как можно скорее остаться со мной вдвоем, подальше от Маши и от Марии Павловны, подальше от всех. Он легко позволил мне убедить себя. Он тоже думал, что все легко и быстро закончится, мятеж будет подавлен. Тогда мы все считали революцию всего лишь мятежом одиночек.

«Роман русского князя», как называли нашу историю в Париже, стал последним светским скандалом павшей Российской империи. После смерти матери Григорий очень изменился, я быстро почувствовала это. Он больше не был похож на беспечного светского льва,

который едва не опоздал на убийство Распутина, проведя безвыходно двое суток в спальнях апартаментах своей невесты, чем довел Феликса до ярости. Он ожесточился.

Деникин наступал с Дона, его усилия были направлены на тот самый город, в котором мы находимся и сейчас, на Сталинград, тогда он назывался Царицын. Предполагалось, что, захватив Донбасс, Грозный и Царицын, войска Деникина выйдут к Туле и Москве. В мохнатой казачьей шапке, в развевающейся бурке Григорий вел свои эскадроны по казачьим станциям, которые в основном все были на стороне Деникина. Если попадались комиссары, он не знал пощады – приказывал вешать и жечь без жалости. Его фамилию знали красные кавалеристы Ворошилов и Буденный. Поэтому позже, оказавшись среди бывших противников, я не докладывала им, что тот самый Гриц Белозерский, за которым они охотились в девятнадцатом, был моим мужем. Моя фамилия напоминала им о жесточайших схватках двух кавалерий, о беспощадности Грица.

Таким же жестким командиром князь стал и для своих подчиненных. Прошло то время, когда он легко приближал к себе способных офицеров вроде моего отца. Теперь, напротив, он отдалился от всех. И только для меня, белокурой девушки в темном платье с белым воротником-стойкой, напоминавшем гимназическое, он оставался прежним. Когда я приседала перед ним в реверансе, тихо произнося: «Ваша светлость...», – я ведь тоже пугалась перемен в нем, – он, пройдя мимо офицеров, брал меня за руку и, поднимая, упрекал: «Встань, Катя. Тебе не надо кланяться мне, что за глупость ты придумала, право». Когда же он оставался один, то подолгу молча лежал на походной кровати, глядя вверх. Я робко предлагала ему чай, и тогда, протянув руку, он звал меня: «Иди ко мне, Катя». Со мной он вел себя крайне сдержанно. Не так, как с Машей в пятнадцатом, когда я познакомилась с ним впервые. Я даже думала, что он относится ко мне, как к ребенку, не видит моих чувств к нему. Но он все видел. Только не хотел обижать, пока все не решил для себя.

Однажды он уже пренебрег Машей, уделив на балу у Оболенских слишком много внимания мне. Тогда княгиня Алина сгладила его проступок, написав Маше извинения за сына. Теперь он сам написал ей из Ростова. Он объяснил, что расторгает помолвку. И это было ужасно для Маши. Более того, письмо произвело самый скандальный эффект в салоне Марии Павловны. Кто мог подумать, что русский князь, вопреки всем правилам хорошего тона, вопреки воле матери, уже покойной, решится все-таки эту волю нарушить. Изменит своей клятве и откажется венчаться с невестой, с которой был обручен с детства! Но Гриц и Маша изначально были соединены интересами собственности, а не узами сердца. Собственности больше не было, как не было и государства, которое эту собственность гарантировало. А голос сердца увлек Грица совсем в другую сторону.

Через шесть лет после этого события я снова оказалась в Париже, но уже по заданию Дзержинского. Мне предстояло встретиться с тайным агентом ЧК – генералом Скоблиным и его женой – певицей Плевицкой. Когда я подъехала к ресторану, швейцар не хотел меня пускать – он не знал меня в лицо. Он спросил, как ему доложить генералу, кто его спрашивает. И тогда я впервые сказала вслух то, что много раз повторяла про себя: «Скажите, княгиня Екатерина Белозерская...» О, я представляла, как вытянутся лица у завсегдатаев ресторана, стоит мне войти в зал, но впечатление было еще более сильным.

Едва швейцар назвал меня, все разговоры стихли. Обернувшись ко входу, присутствующие смотрели на меня кто с любопытством, восхищением, иные с неодобрением и даже с ненавистью, а некоторые – со страхом. И, кстати, таких было большинство. Многие ведь считали меня погибшей, почти пять лет обо мне не было никаких вестей. И вот увидели – как прежде, красивую, тогда еще совсем молодую, без пули в затылке, – Катерина Алексеевна горько усмехнулась. – При Дзержинском меня не расстреливали, начали позже.

«У нее дивные глаза цвета кобальта», – слышала я чей-то шепот. «И колье, колье княгини Алины из сапфиров и брильянтов, тоже при ней». Мне горько было слышать эти слова.

Знали бы они, что кольцо мне больше не принадлежит, его специально достали из Алмазного фонда для этого случая, как, впрочем, и вечерний наряд – казенный. И сама я себе не принадлежу, а являюсь полной собственностью чекистской организации, потому что мои бывшие родственники меня туда сдали, от греха подальше.

– Как, Гриц сдал вас в ЧК? – ахнула Лиза, едва веря тому, что услышала.

– Гриц?! – Белозерская покачала головой. – Нет, он здесь ни при чем. Постарались другие, уже после его смерти. И некоторые из них присутствовали тогда в зале ресторана, куда я пришла на встречу со Скоблиным. Они едва узнали меня, ведь помнили в гостинной княгини Алины Николаевны робкой, застенчивой девочкой, а увидели взрослую женщину, пережившую смерть любимого мужа да и много чего еще.

«Как он мог жениться на этой провинциалке?», – еще недавно возмущенно вопрошала своего супруга Плевицкая, имея в виду, конечно, Грица. А теперь она смотрела на меня и видела, как великий князь Дмитрий Павлович, верный друг моего погибшего супруга, встал из-за стола, чтобы пригласить меня. Он сделал это так же, как если бы титул княгини Белозерской носила Маша Шаховская или какая-нибудь иная из знатных петербургских дам. По его просьбе для меня музыканты сыграли любимый романс Грица «Гори, гори, моя звезда». Пожалуй, то был единственный раз в моей жизни, когда я почувствовала себя княгиней Белозерской, последней, оставшейся в живых, из старинного и блистательного рода, той его ветви, которой наследовал Григорий.

Это было оглушительное, горькое чувство. Слезы навернулись на глаза, когда раздались вступительные аккорды. Вспомнился Ростов. За день до венчания с Грицем я качалась на качелях в саду богатого ростовского помещика, гостеприимно впустившего нас в свой дом. Собиралась гроза, небо потемнело. Гриц появился неожиданно, с охапкой диких роз и васильков. Он остановил качели, поднял меня на руки, осыпав цветами. С неба упали первые теплые дождевые капли – как была я счастлива, когда он целовал меня в губы, наслаждаясь его близостью, когда мое дыхание сливалось с его... Казалось, самые лучшие годы в моей жизни только начинаются, и моему счастью не помеха война. На самом деле конец был так близко, что если бы я узнала о том в тот момент, то, наверное, лишилась бы рассудка.

«Вы затмили всех в этом зале, Катя, – восхищенно сказал мне великий князь Дмитрий, – но я уверен, сложись все по-другому, и в Петербурге вам не было бы равных. Гриц рассмотрел в вас то, о чем другие и не догадывались». Его большие светлые глаза смотрели на меня проникновенно, и каждая черточка его лица была знакома до острой сердечной боли. Мне кажется, я читала в его душе – он не скрывал от меня ничего. Конечно, в тот миг он вспомнил, как убивали Распутина. Вспомнил, как приехал к нему взбудораженный Феликс. Распутин увидел в театре его жену Ирину и возжелал ее. «Надо решаться, Митя, – уговаривал Юсупов приятеля, – скоро приедет Гриц. Втроем мы сделаем это. Какая бы кара нам ни грозила». – «Я согласен, Феликс», – отвечал великий князь.

Он вспомнил, как перед самым убийством они с Феликсом посещали сеансы у мага, дабы набраться силы и победить «змия». Распутин, предчувствуя расправу, предупредил царя Николая в телеграмме: «Знай, что если кто-либо из твоей семьи примет участие в моей гибели, русский народ искоренит твой род». Молодые петербургские франты, они привыкли, что победы давались им легко, и убийство Распутина включили в светский график, как множество балов и раутов, которые посещали по расписанию. Дмитрий Павлович вообще едва не забыл о предстоящем мероприятии, поскольку двое приятелей, не касавшихся того, завлекли его в тот день в театр. А Гриц, как и предполагал великий князь, проводил время в спальне княжны Шаховской.

Оба прибыли в Юсуповский дворец с большим опозданием, к несказанному гневу Феликса, которому «операцию» пришлось начинать одному. Повесы, они относились к своей миссии с бездумным легкомыслием, не представляя, какой темной силе бросают вызов. Им

в голову не приходило, что пророчество сибирского старца сможет сбыться. Полтора года спустя не только государь Николай Александрович с семейством были зверски убиты в Екатеринбурге, в Алексеевском равелине Петропавловской крепости казнили еще восемнадцать князей крови. Воспитавшую Дмитрия и его сестру Марию великую княгиню Элли, сестру императрицы, сбросили живьем в шахту в Алапаевске, где она умерла в муках.

За участие в убийстве Распутина (хотя Дмитрий клялся своему отцу Павлу Александровичу на иконе и портрете умершей матери, что крови старца на нем нет) указом императора Николая II великий князь Дмитрий Павлович был выслан в Персию в распоряжение генерала Баратова. Это и спасло его от расправы большевиков.

Спустя почти десять лет после того события, находясь в изгнании, потеряв многих из тех, кого он любил, чувствовал ли Дмитрий Павлович свою ответственность? Конечно да. Эта мысль не покидала его никогда и накладывала мрачный отпечаток на его красивое, благородное лицо. Мог ли он вообразить себе, обсуждая с Феликсом план покушения, что всего лишь спустя год они оба, богатейшие люди России, останутся без копейки в кармане и еще будут благодарить Бога, что хотя бы живы.

К тому моменту, когда мы встретились с ним в Париже, великий князь Дмитрий Павлович пережил бурный роман с французской портнихой Габриэль Шанель, точнее, пожил за ее счет и ей наскучил. Работать таксистом или швейцаром в отеле, как многие эмигранты, ему не позволяло происхождение, жить за счет сестры – не разрешала гордость. Он не хотел впадать в зависимость от милостей Марии Павловны, тем более что отношения их с самого детства были весьма противоречивыми и сложными.

Митя был разорен, он менял богатых любовниц, которые были согласны содержать его ради княжеского титула и внешних достоинств. Одна из них, богатая американка, родом от сосланных в Новый Свет английских каторжников, посчитала, что ей совсем не повредит добавить к своей фамилии, унаследованной от предков, а заодно и к миллионам, нажитым скорее всего несправедливым путем, еще и княжеский титул. Мите претило, что праправнучка детоубийцы станет носить фамилию Романофф, но куда деваться? Принц был нищим и вынужден был продавать себя, желательно подороже. Хотя и в колебаниях, он склонялся к тому, чтобы согласиться на брак.

Когда мы встретились с Митей, нам обоим показалось, что время повернуло вспять. Великий князь и прежде, еще в последний год существования империи, принадлежал к тому немногочисленному числу друзей Григория, которые вовсе не осуждали его за охлаждение к Маше. Он считал провинциальную девочку, вскружившую Грицу голову, вполне премиленькой. Конечно, и на него подействовала новость о том, что княжна Маша покончила с собой, застрелившись из пистолета своего покойного отца в отеле «Мажестик». Однако Митя не считал, что я сыграла роковую роль в судьбе княжны. Он знал, что отношения Грица с Машей разладились, как только стало ясно, что коммерческие расчеты княгини Алины Николаевны не найдут воплощения, так как воплощаться им негде.

Мое появление для Мити было как спасательный круг – он вдруг решил, что ему больше нет нужды заниматься светской проституцией, ублажать сомнительных красоток с надутыми кошельками, он может стать тем, кем был до революции. Он нуждался в моем присутствии, в моей поддержке. В моей любви, которая сделала бы его сильнее. Так же, как Гриц, он был готов разорвать помолвку с опутавшей его американской миллионершей, опозорить имя, лишь бы сохранить главное – душу. И помочь ему в этом, как он полагал, могла только я. Князь Дмитрий влюбился в меня. И возможно, сложились обстоятельства по-иному, он работал бы на парижском такси, а я вышивала бы кружева в мастерской Шанель, как многие благородные дамы из России. Мы снимали бы крохотную квартирку на окраине Парижа и были бы если не счастливы, то, по крайней мере, свободны. Но – увы! – Катерина Алексеевна горестно вздохнула. – Я сделала все, чтобы отдалить его от себя, насколько это

было возможно. Ведь я приехала в Париж не в эмиграцию, а по заданию ЧК и прекрасно знала, что всякий, кто приблизится ко мне, рано или поздно будет уничтожен соглядатаями Дзержинского.

Мне было не жаль тех, кто обрек меня на этот путь, и в первую очередь – ненавистных мне родственников княжны Маши, желавших мне отомстить. Но я хотела спасти хотя бы тех, кто прежде был дорог моему сердцу, кого любил и уважал князь Григорий. Великий князь Дмитрий Павлович был первым и главным из них. Потому заранее зная, что причиняю ему боль, я ответила на его признание отказом. «Ради всего святого, Митя, оставь меня. И уезжай, уезжай как можно дальше отсюда, навсегда, слышишь, навсегда», – я не просила его, я умоляла. Конечно, он ждал другого, и удар оказался чувствительным. Я слышала, что впоследствии великий князь Дмитрий Павлович сильно изменился – он быстро постарел, утратил интерес к жизни. Но для меня все эти годы было важно другое – даже если Митя охладет ко многому, что его прежде увлекало, но он избежит пули в затылок, избежит унижительной доли агента ЧК и всего прочего, что могли предложить ему посланцы Дзержинского. Он сохранит свою совесть незапятнанной. «Я люблю тебя, Катя, – твердил он, уже обреченно понимая, что отвергнут, – я хочу разделить с тобой всю жизнь!» – «Митя, оставь меня!» – мне стоило больших усилий, чтобы сдерживать рыдания, не подать виду, как мне больно.

Великий князь не понял меня. Обиженный отказом, к моей огромной радости, женился на миллионерше.

Я долго ничего не слышала ни о нем, ни о Феликсе. Но прошлое неожиданно подстергло меня. В середине тридцатых годов я посетила Париж с группой советских писателей. Мне было поручено помочь Алексею Толстому и тем, кто ехал вместе с ним, в организации встреч с представителями эмигрантской интеллигенции, дабы убедить наиболее значимых из них вернуться в Москву. Речь шла о таких корифеях, как Бунин, Куприн. Они очень нужны стали «хозяину», ведь требовалось создать новый образ советской державы, не страны беспортошных гегемонов, в которой все – перекасти поле, а новой культурной, вполне добропорядочной нации. Вот тогда в Париже, на одном из приемов я встретила, кого бы ты думала?.. Ирину. Ирину Юсупову, жену Феликса. И хотя я постаралась обойти ее стороной, она увидела и узнала меня. Хотя правильно оценила ситуацию и не подошла.

Я думаю, она рассказала об этой встрече Феликсу и Дмитрию, и тогда он наконец понял, почему я отказала ему, и обида, мучившая его годами, утихла. Хотя наверняка догадался раньше, когда на эмиграцию обрушился красный террор, и многие, кто еще надеялся на свержение большевистской власти и активно работал ради этого, сгинули без следа.

Встреча с Ириной всколыхнула душу, снова нахлынули воспоминания: и первое знакомство с Грицем, и расставание с ним, и трепетные отношения с Митей в Париже. Со временем я успокоилась. Но прошлое опять напомнило о себе.

Лаврентий нежданно-негаданно переслал мне письмо, его получили два месяца назад в Москве, когда здесь под Сталинградом шли самые ожесточенные бои, решалась наша судьба, – Катерина Алексеевна расстегнула карман гимнастерки и вытащила сложенный вдвое конверт. Аккуратно раскрыла его, вытащила лист бумаги, испещренный крупным, красивым почерком по-французски. – Конечно, Лаврентий мог бы и не пересылать это письмо, – продолжила Белозерцева, – но почему-то прислал. Зачем? Лаврентий ничего не делает просто так. Видно, ему что-то от меня нужно. Но как бы то ни было, я даже испытываю к нему благодарность. Вот, послушай, что пишет мне княгиня Ирина: «Мой милый друг, Катенька, я знаю, что все, кто прежде был знаком с тобой, осуждают тебя больше, чем понимают. Признаюсь, я и сама испытывала гнев, когда узнала, что ты осталась с теми, кто вынудил нас покинуть отчий край. Но здесь, на чужбине, с годами я поняла, что лучше уж так, как ты, чем

так, как мы. Я знаю, ты теперь, верно, под Царицыном, где пал Гриша. Я знаю, что на берегах Волги теперь решается для всех русских «быть или не быть», с большевиками ли, без них...» Последние слова правда, вычеркнуты, – добавила Белозерцева с иронией, – но разобрать можно. Лаврентий службу несет зорко, письмо прочел лично. «Я думаю, – пишет Ирина, – если Гриша теперь видит тебя с небес, он не осуждает тебя, а значит, и мы не вправе осуждать тебя и судить. Нас всех рассудит время. И я, и Феликс – мы любим тебя, как прежде, и Митя тоже с нами, он помнит тебя. Я полагаю, ты понимаешь под этим словом гораздо больше, чем я могу тебе написать. Не знаю, придет ли к тебе мое письмо, но посылаю с надежным гонцом, американским военным атташе, направляющимся в Москву. В тяжелую для нашей Родины годину мы все здесь стараемся сделать все от нас зависящее, чтобы помочь ей так же, как в первую войну. Я вступила в американское общество помощи русским союзникам, теперь вяжу носки и шарфы из шерсти для бойцов Красной армии, собираю в церкви вещи для детей, оставшихся без отцов. Феликс и Митя жертвуют на продовольствие. И если к тебе под Царицын привезут американские банки какао и галеты, знай, что к ним, вполне возможно, прикасались наши руки. Мы передаем тебе тепло наших сердец, потому что, увы, не можем сделать это никак иначе. Не смею надеяться на встречу, но всем сердцем желаю ее. Только одному Господу нашему ведомо, доведется ли нам когда-либо свидеться. Но если я умру раньше, чем такая возможность выпадет, знай, я каждый день молюсь за тебя, надеюсь, моя молитва сохранит тебя от несчастий. Феликс и Митя кланяются тебе. Я нежно целую тебя, твой друг Ирина».

Катерина Алексеевна замолчала, чуть наклонилась вперед. Бумага, исписанная крупным, красивым почерком, слегка колыхалась у нее в руке от исходящего от печки теплого воздуха. Казалось, она еще хранила аромат неувядающего очарования одной из самых пленительных женщин предреволюционного Петербурга, которая прикасалась к ней. На сгибах листок был потерт, – явно, его перечитывали не один раз.

Деревянная втулка, закрывавшая окно как раз напротив Белозерцевой, со скрипом отклонилась и, прежде чем Лиза успела поддержать ее, с грохотом упала на пол. На шум из-за двери высунулся сонный киномеханик.

– Катерина Алексеевна, что стряслось?

– Иди, иди, Антонов, – махнула Белозерцева рукой, – я сама справлюсь. – Она встала с кресла, аккуратно сложив, спрятала письмо княгини Юсуповой в нагрудный карман гимнастерки. Подняла втулку и, прежде чем водрузить ее на место, взглянула за окно – за потрескавшимся стеклом кружился мелкий снег.

Лиза в растерянности сжала в руках шапку-ушанку и почему-то теребила пальцами красную звездочку на ней. Ей казалось, что все ее прежние представления о реальности перевернулись. Прежде она была уверена, что напоминания о прошлой жизни, столь дорогой ее сердцу, о которой она знала только по рассказам, напоминания эти стерты, вытоптаны комиссарами. Но оказывается, ростки «той» жизни все же пробивались из-под большевистского катка, и где?! В прифронтовой землянке, в окопе, в штабной избе на берегах Волги под Сталинградом, бывшем Царицыне, где кипели кровавые бои с врагом. Словно на берегах великой русской реки ради будущего сошлись вместе прошлое и настоящее России с одной целью – выстоять.

– Григорий погиб летом 1919 года при наступлении Деникина на Царицын, совсем недалеко отсюда, – промолвила Белозерцева, прервав молчание. – У станции Колочовская, рядом с Котельниково, теперь она называется Красноармейской, пять дней назад оттуда выбили Манштейна. Тогда, в девятнадцатом здесь было не менее жарко, чем теперь. Григорий наступал на Царицын с деникинской конницей. Он был сражен пулей в сердце, когда с саблей наголо летел в атаку. Я думаю, он не успел даже осознать, что жизнь его подошла к концу. Не знаю, стала ли ранняя гибель Гриши карой за его отступничество от прежних

клятв и наказанием мне. Наверное, в таком рассуждении есть своя доля истины. Как бы то ни было, но счастливой молодой женой князя я побыла всего два месяца. Мы обвенчались с ним в мае в Ростове. Не знаю, видели ли меня с небес мои родители, но, если это так, я уверена, они радовались за меня. Их дочь, Катенька Опалева, провинциальная бесприданница, с благословения священника стала одной из знатных дам России.

Но не зря сказано издавна – на чужом несчастье счастьем не бывать. Спустя две недели из Парижа принеслась весть, что княжна Маша покончила с собой в отеле «Мажестик» – она застрелилась. А еще через полтора месяца не стало Гриши, из молодой жены я превратилась во вдову.

Но теплым майским вечером, когда на веранде ростовского дома, я, по обыкновению, поджидала Грица к вечернему чаю, я даже не догадывалась, что все это случится с нами. Я радостно вскочила с места, когда он влетел на аллею, ведущую к дому – разгоряченный скакун несся во весь опор, и у меня перехватило дух, – вот теперь, вот теперь он скажет что-то необыкновенно важное, что так долго мы оба скрывали друг от друга, от самих себя. Князь соскочил с коня перед верандой – подбежавший денщик едва успел схватить лошадь под уздцы. Перевозбужденная от бега, она заржала и встала на дыбы.

– Катя! – Гриц взбежал по ступеням ко мне. И я вижу его блестящие светлые глаза, они сияют над охапкой сирени и яблоневого цвета, которую он прижимает к груди.

– Катя... – я подбежала к нему, и целый ворох цветов посыпался на меня, – ты ждала меня, Катя? Ты скучала? – он с жаром сжал мои руки и всмотрелся в лицо.

– Я всегда жду тебя. Всегда, – казалось, губы едва слушаются меня, так они напряжены от волнения.

– Катя... – Гриц целует мои руки, вдруг поднял голову и спросил серьезно, глядя прямо в глаза: – Ты выйдешь за меня, Катя?

Он еще спрашивает! Я даже не могла и мечтать о подобном, но воспоминание о княжне Маше и уже погибшей княгине Алине остановили меня.

– Но ты же помолвлен с Шаховской, – напомнила я, едва выговаривая слова. – Неужели ты забыл?

– Я не забыл, – нахмурился Гриц. – Я ничего не забыл, Катя. Я уже послал Маше письмо, где объявил, что расторгаю помолвку, я просил ее простить меня...

– Но матушка, – воскликнула я в изумлении, – твоя матушка, Гриц, она же желала этого брака!

– Моей матушки больше нет, – он ответил, слегка помрачнев, тень пробежала по его красивому, молодому лицу. – Теперь многого нет, Катя. И может быть, больше уже никогда не будет. Все изменилось, Катя. Но возможно, это и к лучшему. Ты мне не ответила, ты согласна?

– Но ты же не любишь меня, – я и сама понимала, что говорю глупость, но почему-то боялась, вдруг не любит, вдруг просто жалеет? Ведь представить невозможно, чтобы князь Белозерский полюбил меня, вот такую, совсем обыкновенную.

– Ты говоришь глупости, Катя, – сказал Гриц с легким упреком, прижимая мою голову к своему плечу. – Неужели ты думаешь, что ради забавы я разбил сердце Маши? Я знаю, что мое решение принесет ей много горя. Но я не желаю обманывать ее – это было бы унижительно для нас обоих. Тем более что в том теперь нет никакой нужды. – Я люблю тебя, Катя, – добавил он, понизив голос, проникновенно. – Мне следовало бы попросить твоей руки у твоего отца – моего давнего товарища, капитана Опалева. Но увы, его давно уже нет в живых. И к его счастью, он не дожил до всего того, что теперь творится. Мне остается только спросить тебя, ты согласна стать моей женой, Катя? Не думая ни о моей покойной матушке, ни о княжне Маше? Предоставь мне беспокоиться о том. Просто ответь – и все.

– Конечно, я согласна, – не дослушав его, я вдруг заплакала, заплакала от радости, от переполнявших меня чувств. – Могла ли я надеяться, Гриша? Могла ли я надеяться...

– Тогда завтра венчаемся, Катя, – он с нежностью поцеловал меня в губы. – Ждать некогда. Мы скоро выступаем на Царицын.

– Уж много лет прошло с того дня, – Катерина Алексеевна вздохнула и снова опустилась в кресло напротив Лизы. – А кажется, закрой глаза – все было только вчера. Только во сне или в недолгие часы одиночества, каких выпадает мало, является ко мне тот памятный день в Ростове, когда Гриц предложил мне руку и сердце на всю оставшуюся жизнь. Которая, как оказалось, была очень коротка.

Невинной девой, невинной в прямом смысле – Григорий берег меня, понимая мою неопытность и чувствительность, – я стояла перед алтарем в белоснежном платье из тонких брюссельских кружев, и мне казалось, что счастье теперь навсегда делается моим спутником. Что бы ни ожидало нас впереди, рядом с Грицем мне было ничего не страшно. Хоть в изгнание, хоть на каторгу, лишь бы не расставаться никогда. Я была готова разделить с ним все – как Маша Волконская, как Катя Трубецкая. Но я даже вообразить себе не могла, что ничего этого мне не придется делать. Гриц погибнет, а я, – Катерина Алексеевна стукнула пальцами по нашивкам на воротнике, – стану комиссаром сталинской пропаганды.

Я помню, генерал Деникин, который присутствовал на нашем венчании, поздравлял нас, потом в нашу честь в дворянском собрании Ростова были устроены банкет и бал. Следующим утром, проснувшись на заре в объятиях Григория, я видела, как за окном на фоне белоствольной березовой рощицы денщик Григория чистит, готовя к походу, его коня, а золотой шар солнца восходит из-за Дона. Кузьма Захарыч, тогда просто Кузьма, напевал под нос протяжную казачью песню – он тоже еще не знал, что ему предстоит хлебнуть немало горя в советской России. Что мы останемся с ним вдвоем – а Гриц уйдет от нас, – голос Белозерцевой дрогнул, она опустила голову.

– Катя, наконец-то мы вдвоем, Катя! Я так люблю тебя, – услышала я жаркий шепот Гриши, он увлек меня лаской и поцелуями.

Никакое предчувствие не подсказало мне, что все это – в последний раз. Спустя полтора месяца его привезли в Ростов – окровавленного и бездыханного, на конской попоне, залитой его кровью. Офицеры молча сдернули фуражки перед молодой вдовой. Я помню, что до самого погребения я не проронила ни слезинки. И даже не потому, что священник говорил мне, будто плакать – грех. Просто не могла выдать из себя ни стона, ни крика. Я никак не могла поверить, не могла смириться с мыслью, что случилось самое страшное, случилось со мной, и изменить ничего уже невозможно. Я словно онемела, застыла в горе, обрушившемся на меня. Меня утешали, мне сочувствовали, но я была чужой для всех, у меня не было влиятельных родственников. Многие так и воспринимали мой брак с Григорием как удивительный компромисс, какую-то сделку, условия которой неизвестны. Так что сочувствие, по большей части, было наигранным, формальным. Лучшие друзья Гриши – Феликс и Митя находились очень далеко, в Париже. Мне некому было помочь. Я все должна была решать сама, впервые в жизни. Но я не думала о будущем. В черном одеянии я сидела у изголовья гроба в церкви, – стоять не могла, ноги не держали, и батюшка принес мне стул.

Мне не приходило в голову, что среди тех, кто пришел на панихиду, могут оказаться враги. Мои враги и Григория. Причем не внешние, вроде конников Ворошилова или Буденного, а внутренние, и они зорко наблюдали за мной, они все подмечали. Князь Борис Борисович Шаховской, высокопоставленный офицер деникинской разведки, прибыл к армии накануне из Одессы. Он приходился родным дядей погибшей княжне Маше и прекрасно знал все, что с ней произошло, и по какой причине. Находясь в Крыму, он добился перевода в Ростов, скорее всего для того, чтобы встретиться с самим князем Белозерским и предъявить

ему счет за нарушение договора и смерть Маши, но он опоздал, князь погиб, а с меня – что возьмешь?

Ничего дельного скорее всего не приходило Борису Борисовичу в голову, и потому поначалу он вел себя смиренно, не представлялся, старался не попадаться мне на глаза, следил издали, прикидывая. Он присутствовал на похоронах, когда над могилой Грица прогремел прощальный салют и священник отчитал псалмы. Я стояла у могилы на кладбище Макарьевского монастыря, в которую только что опустили гроб, опиралась на руку Кузьмы, тайком смахивавшего рукавом слезы, а Борис Борисович, как говорили позднее, стоял прямо за моей спиной, но я не обратила на него внимания. Так и похоронила я Гришу, под скорбные речи генералов, под скупые слезы на глазах его офицеров, под клятвы вернуться и перенести его прах в Петербург. Но этого так никогда и не случилось. Оставшись в России, я сразу, как только стало возможным, приехала в Ростов и узнала страшную весть – Макарьевское подворье снесено, кладбище сравняли с землей, на его месте возведен новый Дворец культуры. А когда фундамент ставили, то много костей перерыли – наверное, среди них был и прах Григория. Так что могилы его не осталось, ничего не осталось от Грица в России. Он живет в моей памяти, а для всех остальных, в том числе и многих бывших друзей, не просто мертв – сгинул в небытии.

После гибели Гриши генерал Шкуро, некоторое время ухаживавший за мной, предлагал мне поддержку в возвращении в Париж, где меня, конечно, встретили бы великая княжна Мария Павловна и Ирина Юсупова. Я склонялась к тому, чтобы принять его предложение, понимая, что словесной благодарностью дело не обойдется. После смерти Григория со мной мало церемонились, знали, что я бесприданница, не имею никаких своих средств, а что отец мой был офицером – да мало ли их! На что я могла претендовать? Только – стать содержанкой – больше ничего, на какие деньги я бы жила в Париже? Шкуро предложил мне апартаменты сначала в Одессе, а после, если придется – в Париже и Лондоне, – полный гардероб и прочее. Но при этом я должна была стать его любовницей. Княгиня Белозерская, к тому же молодая и хорошенькая, – генерал знал, для чего намеревался тратить деньги. И мне не оставалось ничего, как согласиться, несмотря на весь ужас и отвращение, которое я испытывала к подобной ситуации.

До сих пор жизнь щадила меня, – но это закончилось навсегда. Быстрое наступление красных разрушило все планы: при отходе Деникина возникла сумятица, я отбилась от дивизии Шкуро и оказалась с разбитым подразделением ротмистра Каретникова, отставшего от армии намеренно. Этот Каретников происходил из донских казаков, но сам по себе был человеком скверным. В царское время его сдерживала дисциплина и общий господствующий порядок. Когда же все рухнуло, и каждый мог позволить себе, что душе угодно, совершенно безнаказанно, Каретников тоже решил не терять время зря. В Белое дело он не верил, на батюшку-царя плевать хотел, с красными ему тоже было не по пути, поскольку в руководстве было много евреев, которых Каретников на дух не переносил. Больше всего ему нравилось распоряжаться самому, никому не подчиняясь. Каретников сколотил вокруг себя группку таких же разнузданных негодяев. И поставил одну задачу – награть как можно больше, и с тем спокойно отбыть в Европу. Кто был никем – тот станет всем, – девиз времени очень пришелся ему по вкусу, правда, в его собственном, весьма оригинальном понимании. Со мной он тоже не церемонился, – изнасиловал и сделал любовницей. Притом постоянно унижал, заставляя снимать и надевать ему сапоги, выносить его ночной горшок, стирать его белье – это была жестокая школа. Я думала, что сойду с ума, никакие мольбы не помогали. Несколько раз я пыталась бежать, но меня ловили, жестоко избивали, держали в холодном подвале, куда бандиты Каретникова мочились в щелочку. Чтобы я больше не «рыпалась», ко мне приставили двух бывших унтер-офицеров, которым Каретников разрешил «иметь бабу в очередь», пока ему самому не приспичило.

Не знаю, чем бы закончилось для меня это чудовищное испытание, наверное, я не выдержала бы и в конце концов наложила бы на себя руки. Но, верно, ангел-хранитель не покинул меня, потому что помощь пришла неожиданно. Один из унтеров, не утративший окончательно остатков совести, когда-то служил в охране Царского Села, где проживала монархья фамилия. Княгиня Алина Николаевна частенько навещала его дочку, которая застудила ногу и не могла ходить несколько лет. Благодаря заботам княгини девочка поправилась. Узнав, что охранять ему придется Катю Белозерку, как выражался Каретников, этот человек спросил, кем прихожусь я княгине Алине. Когда же я сказала ему, что я – вдова ее единственного сына, мое положение резко переменилось. Василий Лопатин, так звали унтера, оградил меня от домогательств своего товарища и сделал так, чтобы и Каретников вспоминал обо мне пореже. А когда на банду Каретникова налетели конники Котовского, в сумятице боя помог мне бежать и сам отправился со мной, так как Каретников был ему противен.

Вместе мы добрались до Одессы. Продав несколько золотых вещей, которые достались ему при дележе добычи у Каретникова, Лопатин снял для меня комнату на Молдаванке, в бедном районе. Сам же попробовал снова определиться на службу. Это оказалось не так просто. Василия Лопатина записали в погибшие, и ему пришлось назваться другим именем, представившись селянином из окрестностей, и даже выправить фальшивые документы. В те времена в Одессе, переполненной разного рода мошенниками, это было совсем несложно. Кое-как ему удалось устроиться в охрану продовольственного склада. Я же, случайно встретившись на Дерибасовской с генеральшей Аксаковой, посещавшей в былые времена дом княгини Алины, по ее рекомендации стала посещать госпиталь, где работала сестрой милосердия. Денег было мало, жить было трудно, к тому же Лопатин, разочарованный тем, что его надежды на возвращение в армию рухнули, озлобился, заливал горе водкой и ко мне стал относиться хуже. Часто домогался, считая, что я ему обязана своим спасением. В конце концов однажды ночью, когда он спал после очередной попойки, я тайком сбежала и поселилась в небольшой комнате при госпитале. Там я снова и столкнулась с князем Борисом Борисовичем Шаховским, который пришел в госпиталь проведать кого-то из своих сослуживцев. Встретившись со мной нос к носу, князь сделал вид, что вообще видит меня впервые. Однако впервые видела его я, и он прекрасно был осведомлен об этом. Прежде я не была знакома с родственниками княжны Маши, кроме княгини Алины. Быстро сообразив, что мне также ничего не известно и о его приезде в Ростов в дни похорон Григория, Борис Борисович понял, что руки у него развязаны, – можно играть со мной в кошки-мышки сколько угодно долго.

Совершенно одинокая, раздавленная унижениями, которые мне пришлось пережить у Каретникова, я не имела твердой опоры в жизни, за меня некому было заступиться. Я была полностью в его власти. Представившись для начала Ливановым, по фамилии своей матушки, он убедил меня, что был близким другом моего погибшего мужа и готов оказать мне всяческую поддержку.

Прежде всего он снял для меня весьма приличный номер в гостинице, что по тем временам было очень трудно. Когда я спросила, как я буду расплачиваться за него, то уверил, что мне вовсе не стоит беспокоиться, он все берет на себя. Жизнь жестоко учила меня в год после смерти Григория, но все же еще не избавила до конца от природной наивности. Конечно, мне стоило более пристально присмотреться к подозрительным хлопотам своего нового знакомого, но я так измучилась от перенесенных тягот, что даже такие простые радости, как ванна с горячей водой и мягкий, плюшевый плед на диване, могли напрочь лишить меня рассудочного подхода к действительности.

Шаховской именно на это и рассчитывал. Номер был действительно заплачен вперед, но не им самим, а его ведомством, службой разведки, и предназначался для специальных

агентов, с которыми Шаховской здесь встречался. А чтобы номер не пустовал и не привлекал тем внимание, он решил временно поселить тут меня, с далеко идущими намерениями, естественно. И не только в плане личных плотских утех, хотя и ими он не побрезговал. Провести ночь в постели с женой князя Белозерского, который жестоко оскорбил его семью – разве не отмщение, хотя бы частичное? Если бы я знала, что он родственник княжны Маши, наверное, я бы насторожилась и вела себя по-другому. Но он назвался Ливановым и другом Грица, а я так нуждалась в то страшное время хоть в какой-то опоре! Потому и доверилась ему.

Доверилась и душой, и телом. Борис Борисович был хорош собой, прекрасно воспитан, к тому же он разыгрывал искреннее сочувствие, мучился скрытой страстью, представил мне целую сцену, как он не может позволить себе поцеловать даже след от моей ножки, потому что я вдова его друга. Кроме того он был холост и обещал на мне жениться. На самом деле он смеялся надо мной. Про себя, конечно. И «поимел бабенку» ничуть не с меньшим удовольствием, чем Каретников, хотя и не столь вульгарно. Как сейчас вижу, он сидит передо мной в номере гостиницы, на бархатном диванчике с круглой спинкой и неторопливо раскуривает длинную сигару. Его рыжие, кошачьи глаза, прищурены с хитрецей. Он уже придумал план, который намерен реализовать. А план весьма непритязателен: попользоваться женой Гриши, а затем избавиться от нее, но с пользой для себя. В конце концов, за смерть Маши рассчитался не с самим князем, но с его вдовой, этой глупой девочкой, которая почти готова в него влюбиться. О том, что господин Ливанов – не кто иной, как полковник Шаховской, один из руководителей белогвардейской разведки, я узнала от главного чекиста – Дзержинского, и весьма скоро.

Однажды, сказавшись больным, Борис Борисович попросил меня срочно передать письмо его товарищу, который оказался не более чем подсадной уткой. На явочной квартире, проваленной агентами Дзержинского, красные соколы поджидали посланца белогвардейской разведки, а дождались – меня. Конечно, Шаховской прекрасно был осведомлен обо всех обстоятельствах, связанных с этим местом. Он знал, что посылает меня в пасть к волку. Письмо, которое он мне дал, содержало массу важных сведений, но все они были чистой воды дезинформацией. Вот такая операция по вброске «дезы» противнику, а заодно и поквитаться с женщиной, разбившей все планы его семьи. Думаю, он не предполагал, что меня сразу поставят к стенке. Но все гениальное, как всегда, просто. Если хочешь, чтобы твоя «информашка» дошла до получателя, используй нестандартный ход – пошли женщину или ребенка. И желательно «на новенького». Рассуждая подобным образом, Шаховской вполне серьезно рассчитывал на то, что Дзержинский может клюнуть, тем более что его служба недавно организовалась, опыта у красных еще было мало – не сравнить с белогвардейской разведкой. Конечно, Борис Борисович был излишне самонадеян, считая противника куда глупее себя. Ему было все равно, что станет со мной, главное – чтобы «деза» сработала.

Так я взяла предложенный конверт, думая, что это лишь письмо к другу, и отправилась на Экиманку, не подозревая, что больше уже не вернусь назад. А дорогого мне Ливанова довелось узреть еще разок спустя три года, когда по моей наводке его захватят в Варшаве и поставят к стенке. Тогда Борис Борисович не был столь уверен в себе и крайне удивился, увидев меня перед собой: ведь отправляя меня к «приятелю», он попрощался со мной навсегда.

Увидев перед собой худенькую, хрупкую женщину, с посеревшим от страха лицом, Дзержинский, когда его агенты доставили меня к нему, сразу понял, с кем он имеет дело, – с дилетантом, которого просто подставили. Сообразив, кто разговаривает со мной, я набралась смелости и крикнула: «Я ненавижу советскую власть!» – и зажмурилась, думая, что меня пристрелят сразу, как крысу. Но Дзержинский на мое пылкое и дерзкое заявление среагировал вполне спокойно. Наверное, он уже наслушался подобного немало. Глава чекистов

не сомневался, что меня прислал Шаховской – очень хитрый и умный противник, который долгое время оставался для Советов неуловимым.

Расспросив меня, почти по-дружески, без особого напора, кто передал мне письмо и для чего, Дзержинский открыл мне глаза на истинное лицо моего покровителя. Месяе Ливанов – князь Борис Борисович Шаховской, опытный разведчик из службы Деникина, а теперь Врангеля. Я была ошеломлена, Дзержинский еще больше убедился в своей догадке, что меня использовали вслепую. А я с ужасом осознала, в какую чудовищную ловушку попала в Одессе.

Но если в отношении меня у железного Феликса не возникало особых сомнений, то что касается информации... она могла быть и правдивой, и ложной в равной степени. Главный чекист пребывал в сомнении, но словно нюхом чуял – торопиться нельзя. Приказав накормить меня и держать под охраной, Дзержинский взял время на размышление. И как оказалось – сделал правильно. Князь Борис Борисович рассчитывал, что красные среагируют мгновенно, но Дзержинский медлил, выжидая, что у Шаховского сдадут нервы. Так и случилось. Пренебрежение к противнику сыграло свою роль, князь Борис Борисович, посчитав, что красные и читать-то не умеют, послал вслед за мной второго агента, на сей раз настоящего. И люди Дзержинского взяли его, убедившись, что все сведения, которые им предлагалось «переварить», совершенная фальшивка.

– А что случилось с вами? – не вытерпела Лиза. – Вас отпустили?

– А я? Что я? – Катерина Алексеевна вздохнула. – Мне думалось, что мое сердце вообще не способно перенести столько предательств и разочарований. Но оно стучало – для чего, зачем? Я была совершенно оглушена всем, что произошло со мной, и ожидала смерти со спокойствием, близким к равнодушию. Меня держали не в подвале, как у Каретникова, Дзержинский велел отвести меня в одну из комнат дома, который он занимал, и натопить как следует. Меня охраняли двое. Один – пожилой рабочий с питерской окраины, другой – совсем еще молодой человек, бывший студент, как я поняла из их разговоров. Позднее я узнала, что молодого звали Алексей Петровский, да, да, – Белозерская вскинула глаза, – сейчас он командует артиллерией у Рокоссовского, а тогда ему исполнилось всего двадцать лет. Видя, что я веду себя смирно, пожилой чекист улегся вздремнуть на лавке перед дверью, а Алексей остался со мной. Я видела, что он смотрит на меня с сожалением, даже с состраданием, которого я давно не встречала. Потом сказал как-то смущенно, глядя на мое мертвецки бледное, неподвижное лицо:

– Мне кажется, Катерина Алексеевна, вам не надо бояться. Вас не убьют. Не за что.

Услышав его голос, я вздрогнула.

– Откуда вы знаете? – спросила я глухо, так, что и сама не узнала своего голоса.

– Я не знаю, – он пожал плечами. – Я так думаю.

– Откуда вы знаете, что меня зовут Екатерина Алексеевна? – спросила я. – Мы встречались когда-то? Я не помню.

– А я помню, – ответил он все так же застенчиво. – На Рождество семнадцатого года. Я шел по Невскому и остановился в кофейне напротив моста с конями, как раз рядом с вашим домом. Я видел, как вы приехали с рождественского бала у Энгельгартов. Князь Белозерский вышел из саней, а потом вынес вас на руках. Было много снега, он не хотел, чтобы вы ступали по сугробам. На вас было манто из рыжей лисицы. А волосы собраны красивой розой на затылке, они сверкали украшениями, как снег вокруг под фонарями.

– Что вы, юноша, это наверняка была не я, – тогда я даже испугалась, услышав его рассказ. В самом деле, на Рождество семнадцатого года мы с княгиней Алиной, Григорием и Машей ездили к Энгельгартам на традиционный карнавал. Григорий уговорил меня уехать раньше, пока гости еще не разошлись, и в самом деле вынес на руках из саней... Но как?

Откуда этот молодой человек мог это знать? Ведь он должен ненавидеть всех людей нашего круга как своих классовых врагов.

– Вы ошиблись, юноша, – повторила я уже более уверенно. – Да, я жила в доме князей Белозерских до революции, но определенно вы видели не меня. Скорее всего это была княжна Маша, невеста князя... – сказала, хорошо помня, что Маша в тот вечер, прогневавшись на Григория, вовсе не вернулась во дворец, а поехала к себе на Екатерининский канал.

– Это были вы, – ответил он с поразительной уверенностью. – Когда вы скрылись в подъезде, я перешел бульвар и спросил у вашего швейцара, кто та пленительная женщина, которая только что исчезла за этой дверью. Хозяйка дома?

– Пока не хозяйка, – ответил он, хитро прищурившись, – но скоро будет. Катерина Алексеевна живет у нас, а хозяйка приедут позже. Вам Алина Николаевна небось нужна? А вы сами-то кто будете?

– Нет, нет, – поспешил я ретироваться, – я только хотел узнать, что за нимфа. Так что, Катерина Алексеевна, это были вы. Я вас запомнил, а потом долго думал о вас. Бродил по городу, читал стихи, просто так – от настроения. Когда я увидел вас сегодня на допросе у товарища Дзержинского, я просто обомлел. Никогда бы не подумал, что так случится.

– И я бы тоже не подумала, юноша, – вздохнула я горестно. – А вы, простите, не знаю, как вас зовут, из пролетариев?

– Извините, я не представился, – он почти испуганно улыбнулся. – Алексей. Алексей Петровский. Родители мои из разночинцев, отец по судоходству до надворного советника дослужился, матушка – дочь врача, из Пензы. Сам я обучался праву в Петроградском университете.

– Как же вы в чекистах-то оказались, из разночинцев? – изумилась я.

– Так я за мировую революцию, Катерина Алексеевна, – неожиданно ответил он, – чтобы не было бедных и голодных, чтобы все равны, и везде в мире все делалось по справедливости.

– Свобода, равенство и братство, – я устало кивнула. – Где же вы видали, разночинец Петровский, чтоб все по справедливости?

– Извините, боец Петровский, если можно, – поправил он. – У нас, знаете ли, с этим строго.

– Ну, хорошо, боец Петровский, – согласилась я покорно. И замолчала. Он тоже молчал. Воцарилась тишина, только было слышно, как похрапывает за дверью его пожилой товарищ. Я видела, что Алексей смотрит на меня с искренним восхищением. Для него, пожалуй, для единственного на всем белом свете, я все еще оставалась княгиней Белозерской, он помнил меня, какой я была в Петербурге, и не хотел знать обо мне ничего дурного.

А тем временем Дзержинский, затеяв опасную, рискованную игру с Шаховским, которая должна была привести того к концу, решил перетянуть меня на свою сторону. Он открыл мне истинные намерения Бориса Борисовича, которые состояли, как оказалось, не только в том, чтобы наказать меня за разбитую жизнь княжны Маши, и не столько в том, чтобы вбросить дезинформацию. Князь Шаховской смотрел куда как дальше – и главной заботой его были, как водится, деньги. Через своих тайных эмиссаров на Западе Дзержинский получил любопытные сведения. Оказывается, у Белозерских хранились весьма обширные сбережения в швейцарском банке. Вклад был сделан в золоте принцессой Амалией Кобургской на имя ее дочери Алисы, вышедшей замуж за родного дядю княгини Алины Николаевны и получившей в православии имя Анны. Так как княгиня Анна умерла при рождении первого ребенка, ее мать не захотела, чтобы деньги достались второй жене князя, и переписала вклад на княгиню Алину, с которой в то время подружилась. Поскольку княгиня Алина и ее сын Григорий погибли, на эти деньги могла претендовать я. Знай я об этом, мне не надо было бы терпеть унижения от Шкуро и Каретникова. Я могла бы уехать за границу и жить в Швей-

царии безбедно. Но я не знала ничего, и все вышло – как вышло. Борис же Борисович был прекрасно осведомлен о вкладе. И он надеялся, избавившись от меня, завладеть сбережениями как родственник княгини Алины, в девичестве Шаховской.

Не знаю, на что рассчитывал Дзержинский, рассказав мне об истинных намерениях князя Бориса Борисовича. Вызвать у меня чувство мести? Но в тот момент я вряд ли была способна оказаться ему полезна. Потрясение, пережитое мной, оказалось столь сильно, что я серьезно заболела. Легкая простуда, которую я схватила, попав под дождь на Экиманке, развилась в двустороннее воспаление легких, и доктор, приглашенный чекистами, не мог поручиться, что я останусь жива.

Меня оставили в покое, разрабатывая способы, как заманить Шаховского в ловушку без моего участия. Я лежала в отдельной комнате в помещении Екатеринославского ЧК, которому было поручено курировать меня. От Москвы ко мне были приставлены следователь Кондратьев и Алексей Петровский – для охраны. Неотлучно у постели находилась сиделка. Когда же положение мое ухудшилось настолько, что екатеринославские доктора вынесли вердикт – больная безнадежна, об этом доложили в Кремль. Дзержинский приехал сам и привез с собой столичного светила. Его терапия принесла пользу. Здоровье мое пошло на поправку.

В те дни Алексей Петровский постоянно находился при мне. Он позволял себя сминуть, лишь когда уставал настолько, что просто засыпал на ходу. За время болезни мы сблизились, и я с удивлением, смешанным с забытым чувством женской радости, понимала, что несмотря на мое плачевное состояние он смотрит на меня с искренней симпатией. Алексей все еще видел во мне княгиню Белозерскую, великолепную петербургскую красавицу в пышном лисьем манти, с драгоценностями, вплетенными в прическу, о встрече с которой он и мечтать не смел до революции. Он и слышать не хотел, что на самом деле княгиней Белозерской я была всего-то два месяца. А до той поры считалась воспитанницей княгини Алины, что отец мой, разорившийся дворянин Опалев, капитан драгунского полка. Алексей не желал знать ничего подобного. Я была для него княгиней, и если бы было позволено, он так бы и называл меня – «ваша светлость».

Если говорить по чести, Дзержинский сыграл решающую роль в моей судьбе. Обойдись он со мной более жестко, мне бы уже не пришлось предаваться воспоминаниям – меня просто не было бы в живых. Никто бы не стал делать скидку на то, что я женщина и мне всего отроду девятнадцать лет. Тогда время было кровавое, беспощадное, никто никого не жалел. Решалось будущее страны, проигравший должен был умереть. Впрочем, когда у нас было по-другому? Рубили лес – щепки летели, никто и не считал, сколько их. Вот такой щепкой могла легко оказаться и я, и даже влияния Дзержинского оказалось бы недостаточно, чтобы принять положительное решение, даже при условии, что меня можно использовать в оперативной работе, в частности, для поимки Шаховского. Тогда все решалось коллегиально, и в решительный момент моей судьбы Дзержинского поддержал Иосиф Сталин. Тогда Сталин был членом реввоенсовета фронта, наступавшего на Врангеля, он считался одним из ближайших сподвижников Ленина, хотя и не из самого первого ряда. Троцкий имел огромное влияние, именно он настаивал, на том, что всякая «контра должна быть выкорчевана беспощадно». Сталин дважды присутствовал на допросах. Он молча смотрел на меня, курил трубку, но слушал очень внимательно. Признаться, тогда я плохо рассмотрела его – так, какой-то низкорослый худощавый мужчина с явно грузинской внешностью. Бросилось в глаза: старательно начищенные сапоги, почти как в царской армии, аккуратно подогнанный по фигуре френч и комиссарская кожаная фуражка со звездочкой. Было сразу заметно, что человек не терпит расхлябанности, относится строго и к себе, и к другим.

В то время Иосифу было сорок три года, почти как мне сейчас, ничто не предвещало его будущего возвышения. Но мне доподлинно известно, что поддержка Дзержинского сыграла

в восхождении Сталина к власти решающую роль. Кто знает, не положило ли начало их союзу мое дело в Екатеринославе?

Сталин и Дзержинский тогда все-таки настояли на своем. Помню, как Феликс, придя ко мне в комнату, служившую больничной палатой, сказал:

«Подумайте сами, Катерина Алексеевна, какое будущее вас ждет, если я вопреки воле товарищей отпущу вас теперь и позволю, даже помогу, перебраться на Запад. Мы знаем оба, что в белогвардейской разведке вы оказались случайно. Вас использовали, надеясь таким образом устранить с игрового поля лишнюю фигуру. Но можете ли вы быть уверены, что тот, кто поступил с вами так один раз, не сделает того же вторично? Князь Борис Борисович – очень опытный и хитрый игрок, не вам соперничать с ним. Если он возжелал получить золото Алисы Кобургской, он его получит, даже если ему придется организовать для вас несчастный случай со смертельным исходом. Я понимаю, вы полагаетесь на друзей своего супруга. Но кто из них жив, вы знаете? Где вы будете их искать? Для всего необходимы деньги. Шаховской успеет расправиться с вами раньше, чем вы даже сделаете шаг. И потом, Катя, – Дзержинский присел на мою постель, – куда бы вы ни поехали, свою Родину, Россию, вы не заберете с собой. Она останется здесь. Там, в Париже, не то что вы, даже потомки Романовых никому не нужны. А здесь вам найдется применение. Вы поможете нам, а потом, когда все успокоится, станете учительствовать. В стране огромное количество беспризорных детей, а образованных воспитателей не хватает. Подумайте над моими словами, Катя».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.